

Сергей Пономаренко

СЕТИ ЖЕЛАНИЙ

КЛУБ
ЗЕМЕЛЬНОГО
ПОДЪЯТ

Сергей Пономаренко

Сети желаний

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2017

УДК 821.161.1(477)

Пономаренко С. А.

Сети желаний / С. А. Пономаренко — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017

ISBN 978-617-12-4235-7

Киевлянин Олег ведет собственное расследование трагической гибели друга. Все указывает на то, что убийство было ритуальным. Мужчина пытается понять, кто и почему сделал это. Ответ на вопрос может таиться в дневнике родственника умерщвленного Андрея – Родиона Иконникова. Олег узнает, что когда Родион неожиданно заболел и пребывал на грани между жизнью и смертью, ему явился бес желаний и предложил бессмертие в обмен на душу: каждые тридцать лет Родион должен жертвовать своего потомка... Олег не исключает, что его друг – жертва бесовского соглашения. Но неужели предок Андрея до сих пор жив? Киянин Олег ведет власне розслідування трагічної загибелі друга. Все вказує на те, що вбивство було ритуальним. Чоловік намагається зрозуміти, хто і чому зробив це. Відповідь на питання може таїтися в щоденнику родича вбитого Андрія – Родіона Іконникова. Олег дізнається, що коли Родіон несподівано захворів і перебував на межі між життям і смертю, йому явився біс бажань і запропонував безсмертя в обмін на душу: щотридцять років Родіон повинен жертвувати свого нащадка... Олег не відкидає той варіант, що його друг – жертва бісівської угоди. Але невже предок Андрія досі живий?

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-617-12-4235-7

© Пономаренко С. А., 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2017

Содержание

Пролог	7
Часть 1	15
– 1 —	15
– 2 —	28
– 3 —	38
– 4 —	41
– 5 —	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Пономаренко
Сети желаний
Роман

© С. Пономаренко, 2017

© Depositphotos / Shaiith79, обложка, 2017

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке,
2017

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное
оформление, 2017

Любовь не уживается со страхом.
Сенека Старший

Пролог

Харьковская губерния, село Лешки, 1896 год

– Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, – протяжно и весомо выводила каждое слово молитвы Святому Духу бабушка Фрося. Ее тонкие губы едва заметно шевелились, и казалось, голос звучал сам по себе изнутри ее сухонького тела. Родя вторил бабушке, произнося непонятные слова, но не вникал в их смысл. Сколько себя помнил, каждое лето он проводил у бабушки в деревне Лешки, и с приездом туда начиналась иная, непохожая на городскую, жизнь. Родя с удовольствием расставался с тесной формой ученика реального училища, надевал широкие домотканые льняные штаны, светлую рубаху навывпуск, картуз, подпоясывался узеньким ремешком из свиной кожи и уже ничем не отличался от деревенских сверстников, разве что кожаными сандалиями, предметом их зависти, легкими, удобными и везде проходимыми. В селе было совсем не так, как в городе, понятном и простом, где даже опасность имела конкретное лицо: мчащиеся по улицам механические экипажи, извозчицы пролетки, а хуже всего было встретить школьного инспектора в неподобающем для ученика месте – это грозило наказанием вплоть до карцера.

В деревне подстерегающих опасностей было куда больше, чем в городе. Их грозные лики хорошо известны из рассказов деревенской ребятни, то и дело сталкивавшейся с ними лицом к лицу. Мальчишки рассказывали об этом по большому секрету, дрожащими от страха голосами. Невидимая опасность будоражит кровь, заставляет все время помнить о ней и не отходить далеко от дома после заката солнца, когда воздух в преддверии темноты сгущается, становится молочно-серым, а лес и торфяные болота словно приближаются, окружая село плотным враждебным кольцом. Вот тогда в компании Мишки-поповича, куда был милостиво допущен Родя, на завалинке возле бани начинали рассказывать бесконечные ужасные истории о воскресших мертвецах, вероломных духах и кровожадных оборотнях.

Из пруда возле почерневшей от времени деревянной церквушки со старинным кладбищем, где уже давно никого не хоронили, так как место плохое, проклятое, безлунными ночами выходили утопленники, все в длинных, до пят, светящихся белых саванах. Старшие вели младших за руку, а возглавляли эту процессию звонарь Федор, удавившийся минувшим летом на колокольне, и черный поп Амвросий. Настоящей истории черного попа не знал никто. Рассказывали ее по-разному, расходясь во мнении, за какой именно смертный грех он получил в наказание вечное беспокойство. Уже и риза на нем почти истлела, и черви обглодали его плоть, копошась белыми клубками в пустых глазницах, а он все водил страшный хоровод, предупреждая православных христиан, чтящих слово Божье, звоном колокольчика. Но нехристь или закоренелый грешник не мог услышать звона того колокольчика, и тогда его захватывала процессия и он отправлялся с нею в зловещий пруд...

Родя и в дневное время старался обходить пруд стороной, один только раз набрался храбрости и, приблизившись к нему, сразу же убоялся тяжелой черной воды, заросшей у берегов плотной зеленой ряской, лилиями и желтыми кувшинками.

А в речушке Курловке, небольшой, с быстрым течением, обитал водяной, выжидая удобного случая, чтобы схватить неосторожного купальщика, увлечь в омут и в дальнейшем пополнить им процессию из пруда. Поэтому Родя, памятуя наставления бабушки, заходил в воду лишь по пояс, с головой не окунался, на другой берег не плавал, хотя силенок переплыть пруд явно хватило бы. И в лес за ягодами-грибами он по совету бабушки ходил лишь с большой ватагой ребят, так как там безобразничал леший, норовя заманить неосторожных путников в непроходимые дебри, а то и на топкое, гибельное болото. Но опаснее всего считались бесы,

так как они могут принимать облик человека, а то и проникать в мысли, нашептывая лукавые советы с целью погубить христианскую душу.

С недавних пор на окраине села под личиной студента Николая Сиволапцева, неизменно, даже в жаркую солнечную погоду одетого в наглухо застегнутый черный студенческий мундир, с черной же фуражкой на голове, поселился бес. Его лицо обрамляла редкая куцая борода, а на переносице сидели круглые стекляшки-очки, под которыми прятались колючие глаза-льдинки непонятно какого цвета, так что даже боязно было в них заглянуть. Подобных студентов в губернском городе, где жил Родя, пруд пруди, но в этом было нечто пугающее, и когда попович Мишка выявил в нем затаившегося беса, Родя безоговорочно поверил ему.

Как бы то ни было, но с появлением студента размеренная жизнь деревеньки была нарушена, стало ощущаться тревожное напряжение, как будто должно было произойти что-то нехорошее и страшное. Студент был человеком замкнутым, старался оставаться незаметным, корчму не посещал, ни с кем из местных жителей не сближался, но в разговоры охотно вступал и открыто вел крамольные речи. Из-за этих вольностей большая часть собеседников тут же сбегала, хотя находились и такие, кто по недомыслию продолжал беседу, поддаваясь бесовскому словоблудию. Речь его была насквозь пропитана ядом, отравляла слух и душу. Беды, случавшиеся в деревне, стали связывать со студентом: пропало ли молоко у коровы, подавила ли кур лиса, пропил ли кто все деньги, вырученные торговлей на базаре, расстроилась ли помолвка, скакнул ли кто в гречку – все это считалось бесовскими происками! Старухи сокрушались и твердили, что в прежние времена в деревне подобное проживание беса в человеческом обличье было бы невозможным: мужики этого не потерпели бы, разобрались бы с ним. Но перевелся, измельчал мужик, стал слишком боязлив и ленив.

Бабушка постоянно наставляла Родю: «Если нет Божьей защиты, то бесы беспрепятственно проникают в человека. Бесы живут там, где им есть место. Человек, греша, готовит им такое место. Где грех, там и они. Запомни, Родя: приступая к чему-либо, вначале сотвори соответствующую молитву». Она заставила мальчика выучить множество охранных молитв, призванных уберечь его, если вдруг нечистая сила возникнет на пути. Поэтому, завидев высокую, сутуловатую фигуру студента-беса, Родя чувствовал себя уверенно под оберегом охранных молитв «Для защиты от нечистой силы», «Против демонских козней», «К Господу, против чародейства», про себя нашептывая то одну, то другую.

Полицейский чиновник вместе со старостой сельской общины Дорофеевым определил ссыльного студента в заброшенную избу, стоявшую на окраине села. Несколько лет тому назад цыгане-конокрады порешили там хозяина и его семью, не вовремя вышедших ночью на шум в конюшне. Снедаемые любопытством, сельские ребята стали наблюдать за студентом, и им предоставилась возможность воочию убедиться в том, что он бес и колдун. Они увидели в его доме приспособления для изготовления колдовских снадобий: стеклянные колбы с разноцветной жидкостью, кипящей без огня, всякие прозрачные и резиновые трубочки, тигельки и зловонный дым, далеко не фимиам. А ведь известно: где бес, там серой воняет!

«Вот оно, бесовское занятие!» – с важным видом определил Мишка-попович. Родя хотел было сказать, что это похоже на химическую лабораторию, как в училище, но заробел выступить супротив Мишки. Тот был в большом авторитете у ребят, во время праздничных и воскресных церковных служб пел в церковном хоре, мечтал поступить в семинарию и по окончании оной принять монашеский постриг. Однако это не мешало Мишке то и дело озорничать, подбивая за компанию и других ребят, за что был неоднократно бит розгами отцом, сельским священником Ираклием, и стоял голыми коленками на горохе. Родя как-то в отсутствие бабки рассыпал горох на полу и сам попробовал испытать сию муку, но и минутки не смог выстоять. Бо-о-льно!

Когда Родю навестил отец, Константин Константинович, привезя из города разные сладости, то он рассказал ему про студента-беса. Отец лишь улыбнулся и высказал свое мнение: по-видимому, это студент-химик и к нечистой силе никакого отношения не имеет.

– Он в церковь не ходит! – поддержала внука бабушка Фрося, осеняя себя крестным знамением. Ее иссеченное морщинами лицо нахмурилось: сынок живет в городе, а не понимает таких простых вещей.

– К сожалению, среди молодежи стало весьма модно причислять себя к атеистам и нигилистам, – тяжело вздохнул отец. – А без веры нельзя – тогда беспорядок в делах и умах людских.

– Я же говорю, бес он! – непримиримо поджала губы сухонькая старушка, и Константин Константинович, зная упрямый нрав матери, поспешил перевести разговор на другую тему.

Робкие возражения отца избавили Родю от последних сомнений в бесовской природе ссыльного студента.

– ...Избави мя от всех навет вражиих, от всякого колдовства, волшебства, чародейства и от лукавых человек, да не возмогут они причинить мне никоего зла. Господи, светом Твоего сияния сохрани мя на утро, на день, на вечер, на сон грядущий, и силою Благодати Твоей отврати и удали всякия злыя нечестия, действуемые по наущению диавола, – быстро, скороговоркой говорила бабушка. Ее морщинистое лицо, похожее на сушеную грушу, выражало надежду и веру, что ее молитва защитит неразумного внука от бесовских происков. – Кто думал и делал – верни их зло обратно в преисподнюю, яко Твое есть Царство и Сила, и Слава Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь!

Одиннадцатилетний Родя испытал облегчение, когда молитва закончилась, но продолжал стоять на коленях, ожидая разрешения бабушки, полагающей, что негоже после святых слов немедленно бежать куда-то сломя голову.

Наконец, кряхтя, она стала с трудом подниматься, а он вскочил, словно мячик, и сразу сник под осуждающим взглядом старухи.

– Ладно, ступай на двор, постреленок, – смиростивилась она. – Только не балуй и к обеду не опаздывай – на солнышко поглядывай, оно подскажет.

– Слушаюсь, бабушка Фрося, сделаю, как вы сказали.

Родя вышел на улицу и зажмурился от яркого, раскаленного солнца, сразу вспотев под жаркими лучами. Никого из ребят не было видно, и он решил, что все уже купаются на речке. Вечно ему приходится плестись в хвосте мальчишечьей компании из-за причуд бабушки! То не делай, туда не пойдешь, молитв заставила выучить больше, чем за год на уроках Закона Божьего.

– Эй, ребяенок, погоди! – послышался сзади голос, и Родя обернулся.

Местный почтальон, дядька Тимоша, с неизменной пухлой черной кожаной сумкой, поманил его пальцем, и Родя осторожно приблизился к нему. Полный, вспотевший мужчина в наглухо застегнутой почтальонской форме выглядел неважно, что было неудивительно при такой жаре. Он обмахивал себя фуражкой, но, видно, это мало помогало.

– Ты Фросин внучонок?

– Он самый и есть, – важно кивнул Родя, продолжая держаться на безопасном расстоянии, наученный недавним горьким опытом.

Не далее как три дня тому назад точно так же его подозвал пасечник дядька Петро. Ласково улыбаясь, стал расспрашивать, не из компании ли он поповича? Когда Родя гордо подтвердил это, тот в мгновение ока подскочил и больно скрутил ему ухо, аж до слез. На его плач и крики вышла бабушка Фрося и вызволила от злобного пасечника. Тот незамедлительно пояснил, что попович с командой сорвиголов совершил налет на пасеку, сорванцы дымом выкурили из двух ульев пчел и вытащили соты с медом. Вот пасечник и учиняет экзекуцию, по одному отлавливая ребят. Лишь после выяснилось, что грабительский налет на пасеку сотворила не ватага поповича, а враждующая с ней компания сына мельника. Попович пообещал вскоре

отомстить тому за незаслуженно пострадавшего Родю, а в ночь на Ивана Купала вымазать дегтем ворота пасечнику, у которого дочь на выданье.

– Хорошо! – обрадовался почтальон, словно видел Родю в первый раз. – Поди ближе, ребяенок.

Родя, набрав полную грудь воздуха, как поступал всегда, когда предстояло сделать что-либо крайне неприятное, или перед заслуженным наказанием, осторожно приблизился к почтальону. Тот, не проявляя никаких враждебных намерений, нетерпеливо вертел в руках запечатанный конверт.

– Ссылного студента Сиволапцева Николая знаешь?

– Кто ж его не знает? – Родя от неожиданности выдохнул.

– Где он живет, тебе известно?

– Ведомо.

– Снеси ему письмецо, а то у меня в ту часть села только оно одно. Но смотри, непременно вручи ему прямо в руки! Исполнишь?

Родя заробел, переминаясь с ноги на ногу. Одно дело наблюдать за одержимым бесом издали, и совсем другое – столкнуться с ним лицом к лицу, возможно, даже и разговаривать! Попович рассказывал, как отец возил его на вычитку к отцу Серафиму в Саратов, как кричали и плакали демоны в одержимых людях, как бились те в судорогах. А если вдруг бес решит овладеть им? Но еще ужаснее для Родя было признаться в трусости.

– Снесу, – сквозь зубы процедил он.

– Уж не подведи! Ты парень серьезный, городской, не чета местной шпане. Держи письмецо и смотри, не потеряй его по дороге! Отдай непременно сегодня.

Родя нетвердой рукой взял письмо и спрятал за пазуху, испытав при этом такое ощущение, словно положил туда горячий камень. «Жжет адским огнем!» – испугался он и чуть было не зашвырнул конверт куда подальше, но тут же опомнился: «Да это не оно горячее, это мои ладошки огнем горят». Неожиданно осмелев, он посмотрел на почтальона, со вздохом забросившего тяжелую сумку на плечо и собравшегося двигаться дальше, и спросил:

– Дяденька Тимофей, правда ли, что этот студент одержим бесом?

– Посуди сам: будет ли здравый человек нести смуту в народ, подстрекать против царя-батюшки? Он же за это и выслан был из столицы в наше глухое село. С одной стороны, все это не иначе как проделки беса. Как говорится, лукавый попутал. С другой – поговоришь с ним, вроде разумный и добрый он человек, разве что дурак: говорит вслух то, что иной даже подумать заботится. Пожалуй, нет в нем беса, а лишь дурь одна, а она, как молодость, с годами проходит. Хотя не у всех. – Почтальон покачал головой и пытливо взглянул на мальчика: – Уж не забоялся ли ты к нему идти?

– Да нет, дяденька. Что я, маленький, чтобы бояться? – А сам, несмотря на жару, почувствовал внутри леденящий душу холод при мысли о том, что придется встречаться со студентом.

– Правильно, нечего его бояться, им жандармы занимаются. А если бес в нем все же есть и проявится, то батюшка Ираклий легко с ним справится. – Почтальон одобрительно закивал. – Запомни на будущее, парень: самый страшный враг находится внутри самого человека и ждет момента, чтобы проявиться, – это бес желаний. Вот с ним-то трудно тягаться.

– Как это – внутри? И во мне тоже есть этот бес? – забеспокоился Родя.

– В каждом человеке имеется. Ты когда в зеркало смотришь, кого там видишь? – Почтальон хитро прищурил левый глаз.

– Себя, кого же еще?

– Возьми книжку, подойди к зеркалу и попробуй ее почитать, глядя в отражение. Не пробовал?

– Не-а.

– А ты попытайся. Увидишь, что буквы в зеркале перевернутые, прям тарабарщина какая-то, и прочитав их ты не сможешь. Выходит, зеркало врет, и ты не такой, каким видишь себя в нем.

– Вы, дяденька, смеетесь надо мной?

– Я – нет! В мире полно чудных событий и вещей, в которые трудно поверить. Иногда даже тень кривляется.

– Да разве тень может кривляться? – У Роди от изумления округлились глаза.

– А вот когда ты на нее не смотришь, она рожицы строит. На первый взгляд, она послушно повторяет каждое твоё движение, но имеет свой нрав. Смотри, стала грозить мне кулаком, за то что правду о ней рассказываю! – Почтальон указал пальцем на тень за спиной Роди.

Мальчик завертелся на месте, стараясь рассмотреть свою тень, но ничего необычного в ней не увидел. Но дядька Тимоша мужик серьезный, в селе уважаемый, зря пустословить не будет. Говорит без улыбки, видно, так оно и есть.

– Письмецо прямо сейчас снеси, а то заиграешься, забудешь или, не дай бог, потеряешь. – Почтальон развернулся и зашагал своей дорогой.

Родя вздохнул и уныло поплелся на край села к жилищу студента. Хорошо, что хоть солнышко ярко светило, не так страшно было идти в поганое место, где, по словам поповича, безлунными ночами бродит призрак убиенного хозяина, подстерегает запоздалых путников. Мальчик снял картуз и провел рукой по волосам, взмокнувшим то ли от жаркого солнца, то ли от разговора с почтальоном. Тень бежала впереди него и, будто в насмешку, вытянулась в каланчу, чуть ли не в два раза обогнав его в росте.

Как ни замедлял Родя шаг, а ноги все же принесли его к жилищу студента. За два года, прошедших после смерти хозяина, усадьба приобрела заброшенный вид, и появление жилья никак не отразилось на ее облике: забор местами завалился, окна были по-прежнему закрыты глухими ставнями, выходит, внутри все время было темно. Двор зарос травой чуть ли не по пояс, только узкая тропинка была вытоптана от калитки до дверей дома.

«Стучать или звать студента не буду! Суну письмецо в щель у двери и сразу обратно», – решил Родя, с замирающим от страха сердцем открыл скрипучую калитку, чуть ли не на цыпочках прокрался к крыльцу и протянул руку с плотным конвертом, подписанным изящным женским почерком.

– Заходи, раз пришел! – раздался сзади громкий, зычный голос студента.

От неожиданности и страха Родя даже присел, хорошо хоть не обмочился. Он обернулся и обомлел: студент, усмехаясь, стоял у калитки, отрезав путь к отступлению. Он впервые увидел студента вблизи: худой, высокий, словно каланча, в неизменном черном студенческом мундире, застегнутом на все пуговицы. Волосы у него были длинные и жидкие, грязно-коричневого цвета, чуть ли не до плеч, лицо продолговатое, неестественно белое, с узенькими усиками над верхней губой. На носу маленькие круглые очки в золоченой оправе; от стекол, сверкая, отражались солнечные лучи, не давая возможности рассмотреть глаза.

– Я тут... это... письмецо принес, – пролепетал перепуганный Родя.

– Молодец, давай-ка я тебя угощу чаем с леденцами. – На устах студента мелькнула насмешливая улыбка, и Родя почувствовал, что силы его совсем покинули.

А ведь можно было сбежать с крыльца, рвануть в сторону и, перемахнув через забор, от которого осталось одно лишь название, дать деру! Но он продолжал стоять как вкопанный, словно парализованный страхом. Улыбаясь, студент подошел к нему и отворил дверь. Родя на непослушных ногах, шатаясь, как на ходулях, шагнул через порог в полумрак. Студент зажег керосиновую лампу и шел сзади, словно конвоируя мальчика. Расположение помещений было почти как в бабушкином доме, но здесь царил невероятный беспорядок, а в горнице на столе обнаружилась странная конструкция из колбочек, прямых и витых трубок, и все это ужасно воняло. «Где черт, там серый смердит!» – предупреждала бабушка. Родя не знал, как пахнет

сера, но острый, неприятный запах, от которого перехватывало дыхание, вполне мог оказаться серным. Студент усадил Родю за стол, сам устроился напротив.

– Я учился в университете на химическом факультете и здесь решил продолжить некоторые опыты. Тебе известно, что такое химия? – И, не дожидаясь ответа, студент сразу странно пояснил:

– Это наука наук, которая позволит в будущем получать невиданные урожаи, покончить с голодом во всем мире и даже, – он понизил голос, – сделать жизнь человека невообразимо долгой. Вы на уроках Закона Божьего Ветхий Завет изучаете?

Родя молча кивнул.

– Там говорится, что в древности люди жили по многу сотен лет, а сейчас и до сотни не дотягивают. Секрет долголетия утрачен, но не бесследно. Мне в руки попался один любопытный древний документ...

Студент увлеченно схватил со стола толстую книгу со многими закладками, но тут его взгляд скользнул по лицу мальчика, и он осекся, придя в себя.

– Но тебе, братец, это неинтересно слушать, ты еще не понимаешь, что жизнь, как и палка, неограничена. – Он поднял с пола сломанную ручку от лопаты. – Все имеет начало, – он взялся за ее край, – и конец! – Студент схватил палку двумя руками и тут же резко отбросил ее от себя.

От неожиданности Родя вздрогнул и испуганно сжался, кляня себя за то, что согласился войти в дом, где чувствовал себя словно в западне.

– Ну что, будем пить чай! – воскликнул студент, ничего, однако, не предприняв.

Оловянным самоваром, стоящим в углу на полу, судя по всему, давно не пользовались. Леденящий ужас все более сковывал мальчика, заставляя его трястись мелкой дрожью.

– Я соскучился по общению, чувствую себя здесь отшельником. Пожалуй, даже и того хуже – прокаженным! От меня все шарахаются, словно боятся заразиться. Да уж слышан, знаю, что обо мне говорят. Но ведь ты этому не веришь? – Он выжидающе уставился на Родю, и тот через силу отрицательно замотал головой.

– Иначе бы ты ко мне не пришел, так ведь? – уточнил студент, и Роде пришлось согласно кивнуть.

– Ты говорил, что у тебя есть ко мне дело. Какое, братец?

Родя дрожащей рукой молча протянул студенту конверт. Тот, увидев почерк, молниеносно схватил его и быстро открыл. Мальчик вспомнил, что отец для этого всегда пользовался специальным костяным ножиком, вскрывая конверт неторопливо и аккуратно.

– Что же ты, братец, так долго меня томил?! – укоризненно покачал головой студент. – Я его давно ожидаю, мучаясь долгими тоскливыми днями, похожими один на другой, подобно сиамским близнецам. Нехорошо, братец, ты поступил! – Он бросил на мальчика колючий, враждебный взгляд, и у того душа ушла в пятки.

Однако в следующее мгновение студент полностью увлекся чтением, и Родя стал приходить в себя, прикидывая план бегства. Неожиданно лицо студента исказила болезненная гримаса.

– Кругом ложь и предательство! Ложь и предательство! Женщины лживы и порочны! Их разговоры о любви – пошлый обман!

Студент схватился руками за голову и вдруг зарыдал. Слезы катились крупными горошинами, на лице отразилось отчаяние. Быстрая смена настроения молодого человека изумила Родю, но и немного успокоила: бес слезы лить не будет, значит, опасности нет.

– Можно я пойду? – осмелился он спросить.

Студент мгновенно перестал плакать и уставился на него через стекла очков невидящим, мертвым взглядом. Его выпуклые, с большими черными зрачками глаза оказались водянисто-серого цвета и ничего не выражали. Почему-то эти глаза напомнили Роде замочную сква-

жину, через которую кто-то другой, неизвестный, внимательно рассматривал его, оставаясь невидимым. Ему вновь стало страшно.

– Да, братец, иди восвояси. Не обессудь, что оставил тебя без угощения, не до того мне сейчас.

Родя на непослушных, деревянных ногах выбрался из-за стола и медленно двинулся к двери. Сердце в груди бешено колотилось, словно голавль, выброшенный из привычной водной стихии на траву. Мальчик вдруг подумал, что сейчас студент остановит его и не даст покинуть этот ужасный дом. Несколько секунд, понадобившиеся Родю, чтобы дойти до двери, показались ему вечностью, и, только оказавшись на крыльце, он с облегчением перевел дух. Вновь обретая способность управлять своим телом, Родя со всех ног бросился прочь со двора, намереваясь поскорее поделиться своим приключением с друзьями.

Вечером, замирая от страха, Родя поинтересовался у бабушки:

– Дядя Тимофей сказал, что в каждом человеке прячется бес желаний. Разве это возможно?

Бабушка Фрося трижды перекрестилась, глядя на икону с образом Николая Чудотворца.

– Жизнь – это борьба с бесами. Каждый достигает того, к чему стремится, да мало кто понимает, к чему он стремится на самом деле. Многие грешны гордыней, думая, что знают, чего хотят; темны их души, а значит, открыты для беса желаний. Если же человек смиренный и набожный, он защищен от бесов лучше каменной стены.

На следующий день село облетело известие, что ссыльный студент свел счеты с жизнью, утопившись в болоте, и от него осталась одна лишь фуражка. Из уезда приехал пристав и, проводя расследование, допросил несколько человек, в том числе и Родю. Тот выложил все как на духу: про письмо, про слезы после его прочтения. Само письмо не сохранилось, нашли лишь предсмертную записку студента: «В моей смерти прошу никого не винить. Ухожу в никуда. Николай Сиволапцев». Пристав попытался было организовать поиски тела самоубийцы, но разве можно что-нибудь извлечь из топи? Что туда попало, назад уже не вернешь.

– Может, это и к лучшему, а то много хлопот было бы с телом покойника, – решил пристав и уехал, прихватив с собой оставшуюся фуражку.

Самоубийство странного студента очень повлияло на Родю, он считал и себя в какой-то мере причастным к произошедшему, ведь злополучное письмо, толкнувшее того на сведение счетов с жизнью, принес он. Студент являлся ему в снах, жаловался, что скверно обитать в черной болотной жиже и что хочется выпить горячего чая, приглашал к себе в гости. Родя просыпался в холодном поту и начинал про себя читать охранные молитвы.

Всезнающие старухи считали: не утопился студент-бес, а схоронился, чтобы безнаказанно творить темные делишки, и теперь надо ждать бед. И они грянули...

Дочь пасечника оказалась брюхотой, и никакие наказания не смогли заставить ее назвать имя нечестивца-совратителя. Вскоре неожиданно заболел и за три дня сгорел от высокой температуры Мишка-попович. Уездный лекарь назвал причиной смерти мальчика лептоспироз, но в селе были уверены, что все это проделки затаившегося беса.

Гроб с телом Мишки привезли в село вечером и занесли в дом, куда сразу сбежались, словно воронье, сгорбленные, морщинистые старухи в теплых плотных одеждах, наполнив горницу слезливыми причитаниями. Похороны назначили на полдень, и лишь незадолго до этого часа Родя заставил себя пойти попрощаться с усопшим другом. Он с опаской прошел через широко распахнутые ворота во двор, полный шепчущегося народа. В тени, под старой шелковицей, были установлены длинные столы и лавки для поминок. Место не слишком удачное, так как перезревшие темные плоды от малейшего сотрясения веток падали вниз, оставляя на поверхности стола бурые пятна, словно следы крови. Уже только от одного их вида Родю стало подташнивать, и он поспешил войти в дом, где было тесно от множества находящихся там людей и душно от густого запаха горевших свечей и сладковатого аромата ладана. От пьяня-

щего дурмана у него закружилась голова, и он внезапно оказался рядом с гробом каким-то непонятным для себя образом, словно в комнате перед ним были не люди, а тени.

Родя с удивлением и едва сдерживаемым страхом принялся рассматривать атамана мальчишек, лицо которого с заострившимся носом выглядело необычно спокойным. Вроде и Мишка, и не Мишка. Он лежал в гробу, украшенном множеством цветов, в непривычно нарядной одежде, словно у него был праздник, никак не реагируя на надоедливых августовских мух, роем кружащихся над ним. Родя взмахнул рукой, отгоняя жужжалок от мертвого лица друга, и тут у него в голове неожиданно прозвучал знакомый голос поповича:

– Страх и смерть – это порождение сокровенных желаний. Запомни это, Родя.

Мальчику показалось, что на лице мертвеца промелькнула зловещая улыбка, и, не помня себя от ужаса, он бросился бежать прочь и опомнился лишь тогда, когда оказался далеко от поповского дома. Никакая сила не могла заставить его вернуться, а тем более отправиться с похоронной процессией на кладбище. Родя спрятался в укромном местечке на огороде, среди тугих, обрамленных желтыми коронами чашек подсолнечника, и решил зайти в дом, лишь когда услышал голос бабушки, зовущей его.

Часть 1

Петроград. Первое десятилетие XX века. Родион Иконников

— 1 —

Муха, попав в паутину, отчаянно гудела, борясь за жизнь, и сбивала с мысли, не давая возможности сосредоточиться. Отложив перо, я встал из-за стола и увидел виновницу: большая, жирная, зеленая, она раскачивалась на паутине, как на качелях, не в силах освободиться, а маленький неказистый паучок никак не решался к ней подступить. Я разрешил их проблемы одним ударом мухобойки, торопливо вернулся на место и стал перечитывать написанное.

«В год 1770-й от Рождества Христова главный колокол Покровского монастыря медно-зловещим „бом-бом-бом“, не умолкающим даже ночью, навевал страх смерти на град, раскинувшийся на холмах и в низине, возле реки. Бесконечные войны чуть не стерли с лица земли этот красивейший город, но война же его и возродила: строительство мощной крепости потребовало огромного количества рабочих рук. Бывшая столица могущественного во времена раннего Средневековья государства, столетиями лежавшая в развалинах, всего лишь несколько десятилетий назад начала набирать силу. Городское население пополнялось за счет жителей ближайших сел и приезжих, ищущих счастья и заработков вдали от дома.

Завязавшаяся война с Османской Портой шла далеко, в сотнях верст, напоминая о себе лишь появлением очередной колонны пленных турок, чей бесплатный труд использовался при укреплении крепостных фортификаций. Город за свою историю многократно страдал от пожаров и разорений в ходе нападения жестоких степняков и в результате междоусобных войн за великокняжеский престол, когда дым от пылающих предместий застилал горизонт и толпы ободранных, перепуганных беженцев напрасно искали защиты за каменными стенами. Воздвигнутая мощная крепость с многочисленным гарнизоном и дальнобойными орудиями надежно защищала город от внешнего врага, но теперь предстояло в самом городе бороться с новым врагом – невидимым и не менее беспощадным, чем дикий кочевник или безжалостный турок.

Когда преуспевающий купец Данила Горобец, кудрявый, розовощекий балагур, прибывший с товарами из заморских стран, неожиданно заболел, соседи даже позлорадствовали – так ему и надо! А то уж чересчур ему везло: богатый, здоровый, жена красавица и дом – полная чаша. Но не знали они, что несчастье прилипчиво, как смола, лишь счастье неуловимо и мимолетно. А из-за спины купца Горобца выглядывала Черная смерть, высматривая поживу для зловещего пира».

Слова были сухи, пресны, подобно залежалым сухарям, не радовали ни глаз, ни слух. «Все не то! Не то!» – досадовал я. Меня накрыла волна раздражения. Сопrotивляясь, я обмакнул перо в чернильницу, готовясь оживить текст, но не знал, как.

«К вечеру все тело Горобца покрылось волдырями, которые вскоре превратились в язвы, сочащиеся гноем, а его грудь разрывал тяжелейший кашель. Испуганная жена отнесла в церковь богатые дары, заказала службу за здоровье, а возле чудотворной иконы зажгла двадцатифунтовую свечу в серебряном обрамлении (два фунта серебра!). Священник Пафнутий старлся ее успокоить:

– Все в руках Божьих: сколько человеку отведено, столько он и проживет. Но не горюй, чует мое сердце, не покинет он тебя, своих близких. Иди и молись! Я после заутрени приду, помолюсь возле постели больного. Иди с Богом!

И молодуха облобызала протянутую руку с молочно-пергаментной кожей.

На пятый день могучий организм Данилы Горобца сдался, он умер в страшных мучениях, но и предсказания священника исполнились: не покинул он близких, а прихватил с собой на тот свет жену, дочь, двоих соседей и самого Пафнутия. Домашняя челядь поспешно покинула хлебное, но страшное место, оставив больного малолетнего сына купца в беспомощном состоянии. Но бегство не спасло, хворь настигла и их. По городу вместе с болезнью молниеносно распространились страшные слова: „Моровая язва! Черная смерть!“»

Неуклюже обмакнув перо в чернильницу, я опрокинул ее, и по исписанному наполовину листу расплылось густое черное пятно, подводя итог мучительным литературным усилиям. Это было все не то, чего хотел добиться я, начинающий литератор, задумавший написать роман о чуме – Черной смерти, поразившей в XVIII веке город, в котором я никогда не был. Собственно, чума, как и незнакомый город, меня не интересовали, они были лишь оболочкой, из которой должен был показаться СТРАХ, способный привлечь внимание читателя, парализовать ужасом происходящего. Но такого СТРАХА в вымученно написанном я не ощутил.

Нищенская обстановка комнатухи, расположенной под изломанной голландской крышей на чердачном этаже, давила на меня. В голову невольно лезли невеселые мысли – что предпринимаемые мною усилия по написанию романа напрасны, что эта моя задумка изначально была обречена на неудачу, как и более ранние поэтические потуги.

Железная кровать, колченогий стул, крепкий табурет для гостей, на полу таз с водой для умывания, древний платяной шкаф – вот все, что смогло уместиться в моем жалком жилище. Теснота комнаты избавила меня от привычки делать по утрам физические упражнения. Небольшое окошко выходило в глухой угрюмый прямоугольный двор, более подходящий для прогулок арестантов. Взгляд пробежал по мягкой обложке «Жестоких рассказов»¹, лежащих на углу стола (для меня пока недостижимый образец письма, несмотря на неоднократное прочтение сей весьма захватывающей и страшной книжки). Я откинулся на спинку стула, что было весьма опрометчиво, и тот заскрипел, предостерегая от подобных движений.

Обстановка мансарды, в которой я обитал уже шесть месяцев, с тех пор как приехал в Питер, была очень скудна, но и такое жилище вскоре может оказаться мне не по карману. Приходится перебиваться случайными заработками в надежде, что литературный труд будет приносить хоть какой-то доход. Сизифов труд – потуги начинающего писателя!

Любовь

На столе серая фотография: хрупкая, изящная женщина с тяжелой копной волос, прищурившись, насмешливо смотрит на меня, и кажется, вот-вот станет декламировать свои стихи:

Слова – как пена,
Невозвратимы и ничтожны.
Слова – измена,
Когда молитвы невозможны.²

Она постоянно приходит ко мне в снах, неожиданно вторгается в мысли, учит и дразнит, являясь кумиром и смутительницей моей души. Помню необычное состояние, охватившее меня, заставившее бросить обеспеченную жизнь ветеринарного фельдшера и приехать сюда в иллюзорной надежде покорить ее и этот город. Или в первую очередь город, а затем ее?

¹ Автор сборника новелл «Жестокие рассказы» (1883 г.) – Огюст Вилье де Лиль-Адан. (Здесь и далее примеч. автора.)

² Зинаида Гиппиус, «Отдых».

Ее имя Зинаида Гиппиус. Она умна, красива, эпатажна, постоянно шокирует светское общество своими нарядами, словами, поведением, реагируя на возмущенный ропот дерзким и презрительным взглядом через лорнетку. Она пишет от лица мужчины странные, не женские стихи, еще более чудные рассказы, где соседствуют призрачность любви и реальность смерти. Ее называют «декадентская мадонна», «дерзкая сатанесса», «ведьма», вокруг нее роятся слухи, сплетни, легенды, а она с усмешкой все время их умножает. Она, замужняя дама, ходит в театр в белом девичьем платье, шокируя этим публику. Любовь в ее стихах и рассказах необычна и страшна. Юная Шарлотта, влюбленная в покойника, которого никогда не видела, без остатка посвятившая себя ему, а точнее, его могиле, бешено ревнует его к бывшей невесте³, или мисс Май, более похожая на призрак, чем на женщину во плоти, и тем не менее искусно влюбляющая в себя, попирая устоявшиеся взгляды, традиции⁴.

Неужели она и вправду ведьма и, не подозревая о моем существовании, сумела привязать к себе невидимыми узами? Нет, скорее всего, она корабль, смело разрезающий застоявшуюся гладь жизненных устоев и понятий, а я – лишь одна из волн, порожденных этим движением и обреченных на исчезновение. Как смею я мечтать о ней, замужней даме, медноволосой красавице с чарующим взором изумрудных глаз? Что я могу ей предложить, что сделать, чтобы она хоть раз скользнула по мне взглядом?

Вскакиваю из-за стола и всматриваюсь в мутное зеркало, словно ожидаю увидеть там не собственное лицо, а нечто иное. Взлохмаченные волнистые каштановые волосы, голубые глаза с кровавыми белками от бессонной ночи и умственных напряжений, продолговатое лицо с крепко сжатыми, узкими, бескровными губами. Молочно-белая кожа из-за здешнего климата стала еще блее и тоньше. Чтобы казаться в свои двадцать три года солиднее, я отрастил небольшую курчавую бородку, очень мягкую на ощупь. «Двадцать три года, и ничего не сделано для бессмертия!»⁵

Те рассказы, которые я привез с собой, написанные под влиянием Апухтина и Вилье⁶, казавшиеся мне пределом совершенства, не заинтересовали столичные издательства. Лишь раз я удостоился беседы с редактором одного журнала, желчным тощим стариком, пожелавшим развлечься.

– Молодой человек, вы странно выглядите! – Он в притворном ужасе взмахнул руками.

Я нервно заерзал на стуле, пытаюсь понять, что его смутило в моей внешности или одежде.

– У вас голова не вымазана краской, наряд не имеет расцветки попугая, поведением вы мало похожи на клоуна, так чем же намерены удивить столичную публику?! У нас публика избалованная, привередливая, жадная на скандалы, но этикие, с воображением-с! Обычные не пройдут-с. Или вы думали увлечь ее своей писаниной? Зря надеялись, сударь. Разве что сможете ее по-настоящему напугать, рассмешить, растрогать. Но все же, поверьте мне, чем нелепее вы будете выглядеть, чем более вызывающе вести себя в публичных местах, чтобы скандальные газетенки вас приметили, тем больше шансов заинтересовать издательства. Нынче такие времена, что литератор больше славен не письмом, а своим поведением. Вот тогда милости просим-с!

Расстроенный, с пылающим лицом, я вышел на улицу; пребывая в крайнем волнении, не обращая ни на что внимания, ступил на мостовую.

«Неужели...» – только и успел мысленно произнести я, как стал словно зрителем замедленных кадров в синематографе: на меня наплывают три темные фыркающие лошадиные

³ Зинаида Гиппиус, рассказ «Живые и мертвые» («Среди мертвых»).

⁴ Зинаида Гиппиус, рассказ «Мисс Май».

⁵ Слова Дона Карлоса из драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» (1782 г.).

⁶ Авторы готических произведений (XIX в.).

морды, и я уже ничего не могу поделывать. Сильнейший удар в грудь опрокидывает меня на мостовую, с головы слетает фуражка, и уже приближаются с неотвратимостью смерти, зловеще стуча, множество дьявольских копыт, способных одним ударом размозжить голову, проломить ребра, сплющить печень, селезенку, переломать руки-ноги. От ужаса происходящего замирает сердце, я лишь успеваю глубоко вдохнуть, словно при погружении, и, распластавшись в форме креста, готовлюсь к жертвенному распятию.

«Это я жертвую собой или меня приносят в жертву?!»

Надо мной проносится табун лошадей, страшно стуча копытами, чудом меня не задев. Меня приводит в чувство истошный женский крик, еле успеваю отдернуть руки от наезжающих громадных колес. Вижу над собой огромный дребезжащий короб на рессорах, послушно останавливающийся после громогласного испуганного: «Тпру-у!» Безучастный, лежу неподвижно на холодной мостовой, осознавая случившееся, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, не веря, что живой.

– У-у-би-и-ли!!! – пронзительный женский крик висит в воздухе, и до меня наконец доходит: «А я ведь жив!»

Вновь обретаю способность владеть своим телом и осторожно вылезаю из-под экипажа. С трудом встаю, ватные ноги едва держат, дрожат, готовые подкоситься от страха, который овладевает мной, когда я рисую в воображении, что могло случиться. Вокруг шум голосов, но я ничего не могу разобрать, словно крутится лента немого кино, а неумелый тапер играет невпопад. Передо мной перекошенные человеческие лица, будто нарисованные рукой злого художника, на них гнев, радость, любопытство, сострадание и даже досада на то, что обошлось без крови. Я верчу головой, что-то отвечаю, желая как можно скорее покинуть это злосчастное место.

– Нет, сударь, – в очередной раз поясняя надутому, словно проглотившему воздушный шарик, городовому, – у меня нет претензий. Я сам виноват, не смотрел, куда шел. Со мной все хорошо, меня Бог спас!

Из общего шума выделяю негромкий ехидный голос:

– А может, не Бог, а черт?! Он любит пошутить: кому суждено быть повешенным, тот не утонет!

Мне удастся отделаться от любопытствующих, и я снова ничем не выделяюсь в толпе, разве что помятой фуражкой и пятнами грязи на шورتке.

«Ничего в жизни не происходит просто так, это все Знаки Судьбы, их лишь требуется правильно расшифровать. – Мне все становится понятно. – Страх! Необходимо написать роман, пронизав его страхом перед близкой смертью, перед карой, случайно, по прихоти, выбирающей себе жертвы. СТРАХ – это такое же глубокое эмоциональное чувство, как и ЛЮБОВЬ, СТРАСТЬ, НЕНАВИСТЬ, оно ловко маскируется, неожиданно заявляя о себе. Предательски овладевает сущностью человека, изгоняя из него все прочее, делая его своим рабом.

Передать природу страха сумеет лишь тот, кто сам пережил его, – настоящий, не искусственный, как на „русских горках“, когда чувствуешь, что в спину дышит Смерть, а в жилах стынет кровь и сердце вот-вот остановится. Но это лишь завершающая фаза, кульминация, конец всего, а вначале страх должен незаметно выползти из обыденных вещей».

Вот так, после долгих размышлений, мой выбор пал на Черную смерть, чуму, определив и место действия, где она собирала в недалеком прошлом наиболее обильный «урожай», – Киев, город, в котором я никогда не бывал. Но пока лишь извел уйму бумаги и чернил, а желаемого результата не добился.

Тем временем жизнь идет, и неизвестно, кем запланирован ее ход, мне его не предугадать; надежда и оптимизм сменяются отчаянием и бессилием. После отъезда Зинаиды Гиппиус за границу в ее квартире перестал собираться литературный салон. С одной стороны, это на меня подействовало удручающе, а с другой – обнадежило; у меня появилась цель: к ее воз-

вращению добиться хоть какого-нибудь признания в литературных кругах Петербурга, чтобы иметь возможность быть представленным ей. За время моего непродолжительного пребывания в столице мне удалось лишь два раза увидеть ее, да и то издали. Ее образ надежно запечатлен в моем сердце и памяти, и для моей любви не страшны расстояние в сотни верст и пропасть в общественном положении, разделяющие нас.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа – верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.⁷

Сочинение романа движется с черепашьей скоростью, но и то, что написано, меня не удовлетворяет. Когда перечитываю, возникает желание сжечь исписанные убористым почерком листки. Едва сдерживаюсь, чтобы не поддаться этому чувству, пишу, двигаюсь дальше, надеясь позже переписать не понравившееся. Порой мною овладевает отчаянье, я перестаю верить в себя. Может, правы издатели, игнорирующие мои рассказы? Неужели у меня и в самом деле нет литературного таланта?

Возможно, мое желание добиться успеха на литературном поприще выглядит странным, ведь я до сих пор никак себя не проявил – ни текстами, ни эпатажным поведением. И еще более удивительна моя странная любовь к известной поэтессе. Не раз задавал себе вопрос: хочу ли я ее как женщину? Отвечаю без раздумий: нет! Подобно героям ее произведений, я испытываю к ней любовь без примеси плотского желания, хотя ее тело, должно быть, прекрасно. Я ощущаю себя подобно юной Шарлотте, героине ее рассказа «Среди мертвых». Это даже не платоническая любовь, предполагающая духовное влечение к конкретному, осязаемому объекту. К кому или к чему чувствовала любовь Шарлотта: к неизвестному ей мертвецу, лежащему в могиле, к надгробию? К выдуманному образу человека, которого ни разу не видела? Но она по-настоящему любит, переживает сопутствующие любви ощущения, эмоции и гибнет из-за любви.

Любовь ради любви! Так и я: свои мысли и чувства поверяю фотографии реальной женщины, которую на самом деле не знаю и, возможно, так никогда и не узнаю. Но я земной человек, а не выдуманный литературный персонаж, и, предаваясь фантазиям, не забываю о земных, плотских удовольствиях.

Клавка-Белошвейка

Клавка-Белошвейка, проститутка-желтобилетчица из публичного дома на Большеохтинском проспекте, куда я, будучи при деньгах, несколько раз заходил по приезду в Петербург, теперь сама изредка меня навещает и, уходя ранним утром, оставляет под подушкой ассигнацию. Она каждый раз непременно всплескивает руками и восклицает: «Ну, Исусик, здравствуй! Любка твоя пришла», – и лезет целоваться. У нее большие, расплзающиеся, словно студень, всегда влажные губы, от которых меня воротит. Мое сопротивление ее заводит, и она всегда добивается своего.

Сколько раз я собирался оборвать с ней связь, но она, словно предчувствуя это, исчезала надолго и появлялась, лишь когда я оказывался в затруднительном положении, истосковавшись по женскому телу или в очередной раз просрочив платеж за квартиру. Внешне она весьма привлекательна: стройная, белолицая, с высокой, упругой грудью, с постоянной улыбкой на лице и шутками в речах. То собирает роскошные русые волосы в ракушку, то поражает длинной

⁷ Зинаида Гиппиус, «Любовь одна».

косой, как у какой-нибудь девицы. У нее восточный разрез темно-карих глаз, причем при славянской внешности, хотя она – еврейка, Сара Левина. Клавкой она стала зваться в борделе.

Меня в ней крайне раздражают подушкообразные губы и громоподобный, почти мужской голос. Когда она заплетет длинную, ниже пояса косу и потупит взгляд, смотришь – вылитый ангел, а откроет рот – точно боцман командует в шторм: «Убрать бом-брамсель!» Она грозитя-мечтает рассчитаться с хозяйкой борделя и перейти в бланковые, торговать телом в собственных апартаментах, занимаясь полулегальной деятельностью, и обещает взять меня к себе, чтобы я не переживал из-за крыши над головой. Но у меня и в мыслях нет превратиться в ее «кота». Неоднократно при встрече и прощании с ней я требовал прекратить оставлять мне деньги, обещаясь, как только улучшится мое материальное положение, расплатиться с ней сполна. Но после ухода Клавки я неизменно лезу под подушку и, найдя крупную ассигнацию, перепрыгиваю ее под матрас. Гневаясь на Клавку и презирая себя, тут же громко даю клятву вернуть деньги при следующей встрече, но наступают голодные дни и подходит срок платы за квартиру – и я достаю ассигнацию из-под матраса...

Раздался бой часов и одновременно долетело эхо орудийного выстрела, произведенного в Петропавловской крепости.

– Я покорю этот город! – несколько раз громко кричу в пустоту комнаты, в очередной раз убеждая себя в этом.

Сомневаться – значит, проиграть уже на старте, отдать победу, не вступая в бой. И наоборот, даже ложный посыл, противоречащий логике, при многократном повторении может облачиться в одежды истины, пусть ненадолго, иногда лишь на мгновение.

Честолюбие, желание показаться лучше, сильнее, чем ты есть на самом деле, – вот движущая сила нашей повседневной жизни, одних возносящая к Олимпу, других опрокидывающая в пропасть неудач, и не важно, каким фетишем мы заманиваем себя на этот путь, – власть, деньги, карьера, слава, любовь... Желая вырваться из предопределенного рождением и обществом круга, я, вместо того чтобы остаться уважаемым сельским ветеринарным фельдшером, погнался за иллюзорной мечтой: покорить столицу словом, стать известным литератором, добиться благосклонности Зинаиды Гиппиус и иметь счастье общаться с ней. У меня и в мыслях не было позариться на ее семейный очаг, так как она интересует меня лишь как платоническая идея, эйдос, а не как женщина во плоти. Моя любовь к ней лишена чувственности. Это та двойственность, которая прячется в ее рассказах, стихах.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться.
Хочу любви – и не могу любить.⁸

Как тяжело заставить себя сосредоточиться, чтобы продолжить выдумывать события романа, когда реальность постоянно требует: надо есть, пить, платить за квартиру, поддерживать приличный внешний вид. Понимаю, что сегодня не выжму из себя больше ни строчки, поэтому надеваю студенческую шинель, фуражку и покидаю мансарду. Хочу раствориться в толпе, подпитывающей меня энергией. Жадно улавливаю обрывки фраз, слушаю разговоры, ищу интересные типажи для романа. События мертвы, когда в них не видны живые люди.

Петербург, большой угрюмый каменный город, словно морфий, незаметными путами крепко привязывает к себе, и я понимаю: оставаться здесь – гибель, но уже не могу его покинуть. Мрачный, без гроша в кармане, брожу по роскошному Невскому, где круглые сутки не смолкает праздник для тех, у кого толстые бумажники и солидные счета в банках. В золоченых

⁸ Зинаида Гиппиус, «Бессилие».

мундирах, дорогих экипажах, с красавицами женами и любовницами, по возрасту годящимися во внуки, спешат в театр престарелые царедворцы и люди во фраках при чинах и достатке. Нынче модно и престижно содержать юных хористок и балерин втайне и напоказ, а мой удел – проститутка Клавка-Белошвейка, да и то пока я ей не надоел! Но я верю: наступит время, когда громко заявлю о себе, стану желанным гостем в литературных салонах столицы, и надутые французскими духами жеманные светские красавицы будут считать за честь получить от меня запись в свой альбом.

Шинель

Студенческая шинель и фуражка попали ко мне не без участия Клавки. В прошлый раз она пришла не одна, а, к моему удивлению, с мрачным молодым человеком моего возраста, назвавшимся товарищем Сергеем, что вызвало у меня желание пошутить: «Это вы какого Сергея товарищ?» Тот посмотрел на меня так, что сразу расхотелось развивать эту шутку.

Клавка объяснила цель прихода: Сергею требуется мой паспорт, и он готов за него заплатить сто рублей ассигнациями. Сумма была для меня настолько огромной, что у меня перехватило дыхание, но я все же не согласился. Клавка настаивала: сделка очень выгодна для меня. Я обмениваю свой паспорт на сто целковых, а затем подаю заявление о его пропаже в полицейский участок и через две недели получаю новый документ. Риска никакого, у нее есть связи в полиции, там всего за червонец устроят это дело. Клавка глушила громовым голосом мои робкие опасения, угрюмый товарищ Сергей в основном отмалчивался, исподлобья разглядывая меня, словно прицениваясь, как на торгах. Он лишь раз обронил, что паспорт требуется одному товарищу для выезда за границу⁹. Не знаю, что больше действовало на меня – желание, чтобы Клавка умолкла, или сто рублей, – но в конце концов я согласился. В довершение всего Сергей обменял свою новенькую студенческую шинель и фуражку на мое старенькое пальто и уже слегка облезлую шапку.

В кармане шинели я обнаружил брошюру некоего Павлова под интригующим названием «Очистка человечества»¹⁰. Содержимое брошюры меня потрясло: по утверждению автора, человечество разделено на расы – интеллектуальные и моральные. Все властвующие эксплуататорские элементы общества обладают отрицательными, глубоко укоренившимися органическими свойствами, требующими выделения их в особую расу. «Это раса, которая морально отличается от наших животных предков в худшую сторону; в ней гнусные свойства гориллы и орангутанга прогрессировали и развились до неведомых в животном мире размеров. Нет такого зверя, в сравнении с которым эти типы не показались бы чудовищными... Их дети (подавляющее большинство) будут обнаруживать ту же злость, жестокость, подлость, хищность и жадность». Следовал вывод: все представители этой расы, включая женщин и детей, должны быть уничтожены – «истреблены, как тараканы». Кроме брошюрки, там же обнаружилась прокламация партии социалистов-революционеров, призывающая к экспроприации денежных средств у правительства и капиталистов для дела революции, побуждающая к пропаганде не словами, а делами.

Террор, насилие, экспроприация – от этих слов закружилась голова, запахло кровью, но страх не оживал, так как это были только слова. Из газет я знал: боевики партии социалистов-революционеров бросаются не только словами, но и бомбами, совершают покушения на раззолоченных, разжиревших представителей «эксплуататорской расы», высоких чинов, не жалуют даже рядовых жандармов. И это не люмпен, которому терять нечего, а юноши

⁹ В те времена паспорт Российской империи одновременно выполнял функции общегражданского и заграничного.

¹⁰ Брошюру «Очистка человечества» (М.: «Возрождение», 1907), изданную под псевдонимом Иван Павлов, написал эсер-максималист М. А. Энгельгардт.

и девушки из порядочных, зажиточных, порой даже дворянских семей. Известный фабрикант-миллионер Шмидт двадцати трех лет от роду принял участие в вооруженном восстании в Москве и, будучи арестованным, покончил с собой, перерезав себе горло. Я попытался представить, как можно покончить с собой таким диким образом, но воображение отказывало мне, картинка была блеклая: розовая кровь, вытекающая из пореза на горле, эфемерная предсмертная боль. Зато удушающая, всепроникающая вонь от мыловаренного и костеожигательного заводов, расположенных неподалеку, вызывали у меня крайнее раздражение уже тем, что, вдыхая этот смрад, я приобщался к чему-то грязному, непристойному.

Бедственное финансовое положение заставило меня жить на рабочей окраине столицы, у Московской заставы, за которой вечно дымилась вонючая городская свалка, – на Горячем поле. И это в непосредственной близости от водной клоаки – Обводного канала, куда сливаются нечистоты городских канализаций и предприятий. Грязные, темные, зловонные воды канала, подпитываемые теплом сбрасываемых нечистот, замерзают лишь в сильные морозы и вызывают у меня чувство ужаса при виде жалких обитателей их замусоренных берегов – вконец опустившихся бродяг, время от времени попадающих в хронику газет за страшные преступления, в большинстве бессмысленные в своей жестокости. Станным было то, что многие самоубийцы облюбовали Боровской мост на этом канале, бросаясь с него в воды, до предела наполненные нечистотами, словно у них не хватало терпения добраться до Невы или Финского залива.

В какой-то газетенке я прочитал о возможной причине этого: мол, на этом месте находилось капище карельских колдунов, которые проклинали шведских захватчиков, а те, чтобы перебороть заклятие, совершили жертвоприношение – окропили это место кровью захваченных пленниц, и с тех пор оно стало проклятым. Скорее всего, эту легенду придумали сами газетчики, но в том, что это место словно медом намазано для самоубийц, есть нечто мистическое.

Надев шинель, я решил отправиться куда-нибудь подальше от этих мрачных, зловонных мест, не вдохновляющих меня писать о СТРАХЕ. Добравшись пешком до Забалканского проспекта¹¹, я увидел синий вагон конки, запряженный парой гнедых, который уже собирался тронуться в путь. Мне повезло: кондуктор, заметив, как я отчаянно машу рукой, задержал отправление. Сырая погода, морозящий мокрый снег не благоприятствовали езде наверху вагона, и, заплатив пятак, я устроился на красной деревянной лавке у окна, приготовившись к долгой поездке, так как выбрал конечной остановкой Летний сад.

Летний сад

Это не то место, где приятно гулять зимой, что следует из самого названия сада. Летом он предстает во всем своем великолепии, завлекательно поглядывая из-за кованой ограды удивительной красоты, маня прохладой тенистых аллей в праздничных изумрудных нарядах, радуя глаз аккуратно подстриженными колючими кустарниками и нежной, сочно-зеленой травкой газонов, ажурными беседками и мостиками через бесчисленные каналы и пруды, поражая обилием античных скульптур, настраивающих на минорный лад, давая возможность ознакомиться со строением тел, в том числе и точеных фигурок застывших див. С высоты птичьего полета он должен напоминать громадный драгоценный камень в обрамлении набережных Невы и Фонтанки из красного гранита.

Зимой же – это место уединения и уныния, раздумий и сожалений о нереализованных желаниях, и даже баснописец Крылов, чей каменный бюст установлен здесь, имеет озабоченный вид, словно размышляет: а не податься ли в более веселые места? И только для влюбленных этот парк замечателен своим малолюдьем и тишиной, которую нарушает лишь их нежное воркование.

¹¹ С 1956 года Московский проспект.

Селина уже здесь, прогуливается по слегка заснеженной аллее неторопливой походкой наслаждающегося безмолвием и одиночеством человека. Я поспешил ее догнать.

– Прошу прощения, – запыхавшись, произнес я, любуясь ее нежным, почти детским личиком в обрамлении пушистой заячьей шапки.

– Вы не опоздали, это я пришла раньше, – возразила она. – Вы обещали в прошлый раз показать мне здесь статуи Психеи и Амура.

– Да, конечно, мы обязательно разыщем их. Вы разрешите поддерживать вас под локоток? – спросил я, томясь желанием прикоснуться к ней.

– Прошу вас, – согласилась она и насмешливо взглянула на меня, мгновенно превратившись в Клавку-Сару. – Только зачем тебе ЭТО? Ведь между нами пропасть, которую не преодолеть!

Наваждение исчезло, и в парке я остался один. С черноволосой Селиной я познакомился здесь летом, мы чудно провели вместе целый день, еще пару раз встречались, а затем она не пришла на свидание, хотя я упорно ее ожидал, пока темнота не укрыла деревья. Ее отец был русским, мать – татаркой, причем кровь последней доминировала в ее облике: выразительные темные глаза, блестящие, словно расколотый антрацит, прямые волосы, смуглый, скорее ближе к оливковому цвет кожи лица. Пользуясь скудными сведениями, добытыми из неосторожно брошенных ею слов, я нашел дом, где она жила, дождался, когда она одна вышла на улицу, и возник перед ней с охапкой белых роз (не сожалея о том, что завтра придется питаться лишь хлебом и водой).

– Не надо роз, их красота предательски обманчива, они только и ждут момента, чтобы уколоть до крови.

Легкая улыбка тронула уста Селины, и она отвела мою руку с букетом в сторону. Я напомнил, что не выполнил обещания подвести ее к статуям Психеи и Амура, которые она хотела нарисовать на бумаге углем.

– Этой ночью я видела, как упала звезда. Зрелище было жуткое – как она горела в свои последние мгновения. Это сошел в царство Аида непростой человек... Мы слишком разные, и больше никогда не увидимся. Прощайте, сударь! – и Селина развернулась, чтобы продолжить свой путь.

– Почему?! – выкрикнул я, ощущая тупую боль в сердце. – Разные в чем? Если желаете, то я приму мусульманство, стану чертом, богом...

– Станьте тем, кем хотите стать, не потеряв себя, а это будет непросто. Прощайте! – и она ушла, не оборачиваясь, а я понял, что она права: между нами пропасть!

Моя душа во власти страха
И горькой жалости земной.
Напрасно я бегу от праха —
Я всюду с ним, и он со мной.¹²

К ее дому я больше не подходил, вместо этого прогуливаясь по Летнему саду, тревожа себя воспоминаниями, дополняя их фантазиями и ощущая беспокойство в душе.

Товарищ Сергей

Словно призрак, он неожиданно появился за моей спиной, догнав, известил о себе негромко, но властным тоном, не сомневаясь в моем послушании. На этот раз он был одет как

¹² Зинаида Гиппиус, «Пыль».

преуспевающий коммерсант: длинное темное пальто с меховым воротником, бобровая шапка, трость в руке, лицо наполовину скрыто белым кашне, так что я в первый момент его не узнал.

– Мне надо с вами поговорить о важном деле, – сообщил он, на мгновение высвободив свое лицо из шарфа. – Здесь неподалеку есть кондитерская, там будет лучше всего.

Понятие «неподалеку» оказалось весьма относительным. Он взял извозчика, чтобы добраться до места, и на протяжении всего пути хранил молчание. Я понимал, что своими вопросами ничего не добьюсь, и также молча, рассеянно смотрел по сторонам, хотя изнывал от любопытства: что на этот раз ему от меня требуется? И зачем для этого куда-то ехать? Может, он и не в кондитерскую меня везет, а на тайную встречу? Но с кем?! С этим господином, связанным с револьверами и бомбами, надо быть весьма осторожным...

Подобная встреча с представителем партии эсеров, то и дело громко заявлявшей о себе покушениями на крупных чиновников, ограблениями банков и кредитных обществ, весьма небезопасна. Охранное отделение, жандармы охотятся на них, беспощадно расправляются с террористами, отправляя их на виселицу или каторгу. Оказаться в одной компании с ними – значит, нарваться на крупные неприятности. И мне в душу стал закрадываться СТРАХ. Тот, который я безуспешно пытался отобразить на страницах своего романа. Находясь рядом с этим человеком, я боялся посмотреть ему в глаза, за его спиной мне мерещились взрывы бомб, револьверные выстрелы и кровь, много крови. Я невольно посмотрел на его руку в тонкой замшевой светлой перчатке, крепко сжимающую набалдашник трости.

К моему удивлению, мы и в самом деле подъехали к кондитерской, совсем неподходящему месту для встреч подобных революционных товарищей, как по мне. В кафе было тепло, светло и вкусно пахло кофеем. Среди сидящих за столиками преобладали молоденькие барышни, весело, по-птичьи щебечущие о пустяках – модистках, нарядах, шляпках, и появление двух мужчин вызвало у них интерес не меньший, чем если бы сюда залетели белые вороны на чашечку шоколада и расплачивались бы найденной ассигнацией.

«Из того, что мне известно о тебе, товарищ Сергей, такое внимание может повлечь за собой крайне неприятные последствия». Только успел я так подумать, как он усадил меня за столик между двумя коротко стриженными бледными девицами в строгих темных платьях, едва прикрывающих коленки. Они явно были слушательницами Бестужевских курсов, отличающимися свободным поведением, восставшими против кринолинов¹³, корсетов и механических пажей¹⁴. Не спрашивая моего и девиц согласия, Сергей заказал кофе и пирожные эклер.

– Товарищ Ася, – представил он довольно коренастую девицу с широким, выражавшим решимость лицом.

Вторая – худенькая, хрупкая, светловолосая девушка с мечтательным взглядом голубых глаз – оказалась товарищем Надеждой. Я подумал, что с именами этих девиц произошла путаница. Нежное имя Ася никак не вязалось с внешностью первой, а имя Надежда совсем не подходило к романтическому облику второй.

– А это товарищ Родион, – представил он меня, несколько замялся и все же вымолвил: – Сочувствующий нам.

Мне показалось, что я лечу в пропасть, из которой нет возврата, но произнесенное им слово «товарищ» наполнило меня энергией и ощущением собственной значимости. «Почему бы и нет? – решил я. – Я и в самом деле сочувствую этим людям, готовым пожертвовать собственной жизнью ради революционных идеалов. Свобода, равенство, республика! Нет – угнетателям-эксплуататорам! Эти слова пьянят и вселяют надежду. – Тут я перехватил взгляд

¹³ Кринолин – широкая нижняя юбка из жесткой ткани либо юбка на обручах из древесины, металла или китового уса. Предназначен для создания пышной колоколообразной формы юбки верхнего платья.

¹⁴ Специальное устройство, которое позволяло приподнимать юбку на улице, чтобы не испачкать ее.

хрупкой девушки. – Какие у нее замечательные глаза! Надежда... Надюша...» – и я кивнул, подтверждая сказанное товарищем Сергеем.

Не только девушка смотрела на меня, но и он – пристально, выжидающе, и явно обрадовался моему кивку.

– Мы хотим дать вам очень ответственное задание, товарищ Родион. Не волнуйтесь, для вас нет никакой опасности, более того, это может несколько улучшить ваше материальное положение, которое, как мне известно, весьма незавидное.

«Когда мягко стелют, обычно жестко спать», – насторожился я. В мои планы не входило заниматься тем, что могло поставить крест на литературной карьере, ради которой я покинул родительский дом, отказался от вполне обеспеченной жизни и влачу на протяжении многих месяцев полуголодное существование. Возможно, я ответил чересчур резко:

– Боюсь, что ничем не смогу вам помочь!

– Выслушайте меня, а затем, обдумав предложение, дайте свой ответ. Никто не намерен вас неволить. – Он выдержал долгую паузу, таким образом приковывая мое внимание к своим следующим словам: – Мы хотим предложить вам работу по специальности, хорошо оплачиваемую, и платить будем не мы, а государство. Вы ведь ветеринарный фельдшер?

Я молча кивнул, раздумывая, к чему он клонит и в чем подвох.

– В одну лабораторию на работу требуется фельдшер-ветеринар, и в наших силах сделать так, чтобы это место получили именно вы, но только ответ надо дать сегодня, до конца нашей встречи.

– И что я должен буду там делать? – Я внутренне напрягся, ожидая получить секретные инструкции, в которых могут упоминаться яд, бомбы и прочие ужасы.

– Вы должны качественно выполнять работу, которую вам поручат, – он четко выговаривал каждое слово, – и все.

– Зачем вам это надо?! – невольно вырвалось у меня.

Мысленно я добавил: «Неужели решили облагодетельствовать нищего начинающего литератора? С какой стати?! Или, наоборот, спасти от меня литературу, дав возможность вернуться к прежней специальности?»

– В этой лаборатории готовят противочумную сыворотку. Нам требуется узнать, насколько эта сыворотка эффективна, и ничего больше. – Сергей посмотрел мне в глаза, и я почувствовал, что он говорит не всю правду. Он явно что-то замыслил, не желая посвящать меня в свои планы.

– Не скрою, эта работа очень опасная. Лаборатория изолирована от внешнего мира, и мы с вами не скоро увидимся. Связываться будем посредством почтовой корреспонденции. Писать будете товарищам Наде и Асе, они здесь для того, чтобы увидеть вас лично. Что с вами?!

Внутри у меня сотворилось что-то непонятное: словно пронесся вихрь, предупреждая о переменах в моей жизни, и голова закружилась так, что я чуть не лишился чувств. Все, что происходило до сих пор, было лишь прелюдией к ЭТОМУ. Мои наброски к роману о ЧУМЕ и неожиданное предложение поработать в противочумной лаборатории, непосредственно столкнуться с тем, что пыталось рисовать мое воображение... Это явно ЗНАК СУДЬБЫ!

– Согласен! – выдохнул я.

Товарищ Сергей посмотрел на меня с недоверием – видимо, ожидал, что я откажусь, и заранее приготовил убедительные доводы. Похоже, он сам растерялся, поскольку произнес в замешательстве:

– Вы понимаете, что эта работа ОЧЕНЬ ОПАСНА, и...

– Я прекрасно осознаю степень риска. Какие мои дальнейшие действия?

В моей душе заиграл оркестр, наполнив ее радостью. Наконец мне удастся вырваться из этого чертова круга, по которому я так долго ходил. И я тут же мысленно распределил, куда

потрачу деньги, оставшиеся после операции с паспортом для товарища Сергея. Теперь нет необходимости экономить их ввиду неизвестности будущего.

«Приоденусь, а остальные отдам Клавке, сняв с души тяжкий камень, и больше не буду на иждивении у проститутки!»

Вернувшись в каморку под крышей, я почувствовал желание срочно сесть за продолжение романа.

«Магистрат, расположенный в Нижнем городе, предпринял робкие попытки задержать распространяющуюся ужасную болезнь: были заколочены досками дома купца Горобца и его соседей, а всех заболевших отправили в изолятор при городской богадельне, но демон смерти уже вырвался на волю и цепко держал в своих руках судьбы многих тысяч людей.

На рынках отравленного города продолжалась бойкая торговля, массы народа привлекали товары из Крыма, Речи Посполитой, России... Вскоре количество заболевших перевалило за сотню, а умерших было уже несколько десятков. Изолятор при Кирилловском мужском монастыре не мог вместить всех захворавших, хотя они там долго не задерживались, вскоре отправляясь за купцом Горобцом на погост. Больных стали отправлять в Крепость, в военный лазарет, разместившийся в каменном трехэтажном доме, но и он мгновенно переполнился. Многие больные оставались у себя дома, надеясь на помощь знахарок из ближайших сел, но результат всегда был один – Смерть. Ночами со стороны монастырского изолятора шли подводы, груженные трупами, эта процессия сопровождалась звоном колокольчиков. Умерших хоронили не на кладбище, а в разных уединенных местах, за пределами защитных валов.

Генерал-губернатор принял по-военному жесткие и решительные меры. Весь Нижний город, Подол, с его двумя тысячами дворов, магистратом, монастырями, торговыми рядами, кварталами ремесленников, был окружен воинским гарнизоном и взят под строгий караул. Солдатам приказали стрелять в любого, кто попытается бежать оттуда. Город в городе со своим многочисленным населением, оказавшись на карантине, был обречен на вымирание. Ночами на фоне тревожного колокольного набата слышались ружейные выстрелы, сообщавшие жителям об очередной попытке бегства от Смерти. Но им было невдомек, что на самом деле это сама Смерть направляла курьеров-беглецов за границы карантина, стремясь расширить свои владения.

По указанию архимандрита Никона, считавшего, что вибрации церковных колоколов несут благодать и способны противостоять всякой нечисти, звонари трудились круглосуточно не покладая рук, выбиваясь из сил, вместе с приставленными им в подмогу монахами. Днем звон колоколов многочисленных монастырей и церквей раздавался по всему городу и на окoliцах, сообщая об опасности.

Оказавшийся в городе пленный турецкий офицер заявил, что знает, как спасти горожан от эпидемии, а взамен попросил для себя свободу. Власти поверили чужеземцу, тем более что денег из городской казны практически не требовалось. Его отвели в карантинную зону и расконвоировали. Он написал несколько записок на турецком языке одинакового содержания: „Великий Мухаммед! На этот раз помилуй христиан и спаси их от моровой язвы, ради нашего освобождения из плена!“ Записки были прикреплены к шестам и выставлены на колокольнях в Нижнем городе, но это не помогло – мор продолжал свирепствовать. Турок был изловлен и помещен в крепостную гауптвахту, где пытался оправдаться тем, что болезнь не отступила, так как он не получил настоящую свободу, но был бит плетями. Вскоре он сам заболел и умер, принеся в пределы крепости мор, к счастью, вовремя остановленный.

В Нижний город было послано воинское подразделение во главе с лекарем Силой Митрофановым. Под бараки для больных отвели обширные склады покойного купца Горобца, товар из которых был частью уничтожен, а в основном разворован. Помещения, где вповалку лежали множество больных, для дезинфекции окуривали горячей нефтью в глиняных сосудах, от дыма першило в горле, начинался кашель, трудно было дышать. При известии об очеред-

ном случае заболевания туда незамедлительно направлялись военные и силой препровождали больного в барак, а проживающих с ним домочадцев – на остров посреди реки, в карантинные бараки. Карантин на острове из-за скверного питания, нахождения под вооруженной охраной не вызвал понимания у горожан, и они любыми путями старались от него уклониться. На улицах вскоре стали находить трупы, подброшенные под чужие дворы, подальше от собственного дома. Таким образом домочадцы пытались избежать горькой участи – оказаться на острове. В городе был не рай, но на острове – точно ад. Каждый надеялся на чудодейственную силу стен родного жилища, но эти дома неизбежно превращались в братские могилы.

Колокольный набат не смолкал ни днем, ни ночью, но чудодейственные звуки не могли пересилить мор, не щадивший и духовенство. В Верхнем городе в одном из монастырей слегло более половины монахов, каждый день пополнялись ряды Смерти.

Военные ежедневно обходили дома, изолируя больных от домочадцев, сортируя, кого в изолятор, а кого – на остров. Многие жители пытались бежать на лодках по реке или через холмы, окружающие город. Кому-то удавалось, а большинство пало от метких выстрелов солдат. Мороз уже начал сковывать реку белым панцирем, что сделало бегство еще более опасным: быстрое течение не давало реке полностью замерзнуть, оставляя множество скрытых полыней-ловушек. Надежды на то, что холода сойдут эпидемию, не оправдались. На улице было морозно, а внутри жилищ – уютно и тепло. Единицы прислушивались к рекомендациям лекаря проморозить дом, открыв двери, ставни. По его указу в лазарете к мучениям больных, в основном пребывающих без сознания, добавилось еще одно – пытка холодом.

Лекарь Митрофанов записал в свой дневник: „...я беспрестанно находился в занятиях, старался противиться моровой язве и уничтожать ее. Почти каждый день осматривая зараженных, я никогда не прикасался к ним, не исследовал их пульса, напротив, часто окуривал, проветривал дома свое платье и постель; раза два в день жег нефть, которую я применял и в лазаретах, и, таким образом, остался неприкосновенным. В одном из монастырей умерло около 60 монахов, а из певчих и прислужников более 80. Напротив того, другой монастырь, находящийся недалеко, остался невредим, потому что эта обитель заперлась и не имела никакого сообщения с городом“.

Но вскоре Сила Митрофанов сам заболел и был обречен.

Как только болезнь добралась до окрестных сел и начала отправлять крестьян в могилы, там стали выставлять воинские караулы – для изоляции от внешнего мира. Боязнь карантина и смерти вынудила деревенских жителей бороться с распространением хвори жестоко и эффективно – они сжигали дома вместе с заболевшими. Считалось, что эта болезнь от дьявола, и больной ничем не отличается от колдуна, наводящего порчу и смерть на людей и животных.

К тому времени, когда эпидемия пошла на спад, население города уменьшилось на треть, а многие окрестные села совсем обезлюдели. Многочисленные захоронения погибших от моровой язвы со временем исчезли под специально высаженными деревьями – так пытались скрыть следы ужасного бедствия, чтобы ничто не могло потревожить демона смерти, затанцевавшего в их останках и ожидающего своего часа, когда он сможет наказать самоуверенное и беспечное человечество».

Я нервно скомкал исписанный лист, бросил его на пол и затоптал. «Нет здесь страха, и нет слов, чтобы передать его природу. Нельзя написать о нем, не ощутив его по-настоящему».

– 2 –

Свинцовые воды морского залива взъерошены огромными волнами, которые то подбрасывают паровой катер на самый гребень, то спускают вниз, как с ледяной горки в Масленицу, вызывая страх и тошноту. Небольшой пароходик со странным названием «Микроб» пыхтел, отдувался, но упрямо двигался вперед, показывая безразличие к своей судьбе, полностью зависящей от силы разбушевавшейся стихии.

«Так и мы не обращаем внимания на неблагоприятные обстоятельства, лезем на рожон, усугубляя ситуацию, а потом сетуем на злой Рок, преследующий нас. Ведь чего проще: поднялась буря в житейском море – спрячься в тихой гавани и не высовывай нос, пока все не утихнет. Судьба, как и Природа, слепа и безжалостна, проявляя свою силу, и лучше не идти ей наперекор».

Я зябко поеживался под порывами ледяного ветра, пронизывающего насквозь, и цепко держался за обжигающие холодом металлические поручни. Накинутый поверх мундира резиновый плащ не спасал от стужи.

– Немедленно спуститесь в пассажирскую каюту! Господин доктор, здесь находится крайне опасно! Если вы окажетесь за бортом, я вам ничем не смогу помочь!

Громовой голос капитана судна на мгновение перекрыл шум ветра и волн, а сам он, ловко проскользив по мокрой палубе, оказался рядом со мной. Из-под капюшона плаща выглянуло его круглое багровое лицо, перекошенное от злости. Он еле сдерживался, чтобы не употребить слова покрепче.

– Простите великодушно, Вячеслав Бенедиктович, захотелось плотненько свежего воздуха. Слышал, это помогает при морской болезни. – Я виновато улыбнулся, и в это мгновение катер сильно тряхнуло набежавшей большой волной, нас окатило ледяными брызгами, заставив еще крепче вцепиться в предохранительные поручни. В следующий миг суденышко оказалось на вершине водной горы и тут же бесстрашно ринулось вниз. Я ощутил, как недавно съеденный в ресторане «Босфор» ужин, щедро сдобренный «смирновкой», устремился вверх, желая вырваться на свободу. Лишь усилием воли мне удалось усмирить взбунтовавшийся желудок.

– ...Напьюсь морской воды! – разобрал я лишь заключительные слова тирады капитана, но не стал больше поддерживать беседу, а, оттолкнувшись от поручней, скользя и с трудом удерживая равновесие, бросил свое тело в направлении двери, расположенной сразу за капитанской рубкой.

Крен судна придал ускорение телу, и я пребольно ударился грудью о какой-то выступ. Переборов силу ветра, я закрыл за собой дверь и стал спускаться по крутой лесенке, но при новом резком крене судна, уже в противоположную сторону, потерял равновесие и сильно ударился локтем. Потирая ушибленные места, я добрался до крошечной пассажирской каюты и рухнул на койку, слепо повторяющую кульбиты судна, находящегося во власти волн.

«Возможно, до смерти напиться морской воды – это лучшее, что я могу сейчас пожелать себе», – с горечью подумал я, вспомнив о недавней встрече с Лизонькой.

Лизонька

Между знакомством с Надюшкой в кондитерской (настоящее имя которой – Лизонька, а Надежда – партийный псевдоним) и поездкой в противочумную лабораторию прошло более двух месяцев. Получить это место оказалось не так просто, как утверждал товарищ Сергей: некоторое время пришлось поработать в питомнике животных при Императорском институте экспериментальной медицины принца Ольденбургского, в ведении которого находилась про-

тивочумная лаборатория. Но я не сильно опечалился, вернее, совсем не переживал по этому поводу. Я с головой окунулся в работу, по которой, как оказалось, чрезвычайно соскучился, и стал получать приличное жалование. Работу над романом о чуме я приостановил до того времени, как окажусь в противочумной лаборатории. Казалось, судьба, выдержав меня в черном теле, решила щедро одарить: я все свободное время проводил с Лизонькой, тонкой и поэтичной натурой, увлекающейся символистами. Ее кумиром являлся поэт Брюсов. Вот только к произведениям Зинаиды Гиппиус у нее резко отрицательное отношение из-за их депрессивности и сухости, а еще ей не нравится то, что написаны они от мужского лица.

– Она какая-то ненастоящая! – так Лизонька выразила свое мнение о ней. – Они с мужем, известным писателем Мережковским, полностью пренебрегают моральными принципами, живут единой семьей вместе с Философовым¹⁵. О них неприличные слухи ходят! – и ее глазки испуганно округлились.

Лизонька из дворянской, весьма обеспеченной семьи, ее отец – действительный статский советник. Эсеровские убеждения она тщательно скрывает от родных, которых очень любит. Ощущая двойственность своего положения, она сильно переживает, но не может набраться решимости и покончить с этим. Храбрости у Лизоньки хватило лишь на то, чтобы снять комнату вместе с Асей (настоящее имя которой Ксения) на Васильевском острове, неподалеку от института, однако она продолжала жить в доме родителей.

Эсеры-максималисты критиковали ее за половинчатость, но слишком не давили и в свою партию не приняли. Время от времени ей поручали лишь незначительные задания, понимая, что в силу своей робости она не способна участвовать в чем-либо серьезном, не говоря уже о террористических актах. Одним из таких поручений оказался я: она должна была заниматься моим идеологическим воспитанием, чтобы к тому времени, когда я стану работать в лаборатории, у меня были «правильные», эсеровские убеждения. Благодаря этому поручению мы могли много времени проводить вместе. Я не стал убежденным эсером, но безумно влюбился в нее.

Несмотря на вид раскованной «бестужевки», она оказалась не только робкой, но и довольно стеснительной особой, так и не переборовшей многие условности общества. Чем больше я ее узнавал, тем сильнее меня к ней влекло, и я приходил в восторженное состояние уже от лицезрения ее образа, чудесного творения природы. Но эти чувства были совсем не такие, как те, что я испытывал к Зинаиде Гиппиус, которая, несмотря на свою реальность, для меня существовала лишь в моем воображении. Образ известной поэтессы и писательницы в моем представлении был сродни божественному, и я боялся, что, узнав Зинаиду в реальной жизни (при всей эфемерности этой возможности), столкнувшись с ее человеческими слабостями и приземленными желаниями, низвергну ее с пьедестала, на который сам же и воздвиг.

Мои отношения с Лизонькой становились все доверительнее. Меня стала посещать мысль: кто я для нее? Могу ли претендовать на что-либо большее, чем совместные прогулки и беседы? Лизонька появлялась в моих снах как реальная женщина из плоти, заставляя переживать эйфорию и утром глубоко сожалеть о растаявших грезах. Я реально оценивал призрачность своих мечтаний – мы ведь принадлежали к разным слоям общества – и, впадая в отчаяние от подобной несправедливости, уже сам просил ее принести эсеровскую литературу, а через Клавку доставал и эсдековскую¹⁶.

Клавка была весьма скептически настроена относительно обещанного революционерами светлого будущего, считая, что если и произойдет революция, то не раньше, чем через двадцать-тридцать лет, а к тому времени она состарится и ей уже будет все едино. Ее пессимизм передался мне, и я надеялся не на революционную силу низов, должную снести сословные раз-

¹⁵ Д. В. Философов – публицист, критик, религиозно-общественный и политический деятель.

¹⁶ Эсдеки – социал-демократы.

личия в стране, а на чудо. Почему бы и нет? Неужели совершенно невозможно, чтобы Лизонька полюбила меня так, как я ее, и ее родители согласились бы на наш брак?

Внутренний голос ехидно поинтересовался у меня:

– Чуда ждешь от Бога или от сатаны?

– Конечно от Бога! – мой ответ был однозначен.

Внутренний голос рассмеялся:

– Разве можно получить что-либо, ничего не давая взамен? В последний раз ты был на исповеди, когда еще учился в реальном училище, и то по настоянию матушки, имел по Закону Божьему отнюдь не отличные оценки. За все время пребывания в Петербурге ни разу не переступил порог церкви и долго жил на иждивении у проститутки. Так почему Бог должен выделить тебя и даровать чудо?

Я твердо пообещал исправно посещать церковь, окончательно порвать с Клавкой, чем еще больше развеселил внутренний голос.

– Ты хочешь внешним смирением подкупить Бога?! Ты ему поклоны, свечки – а он тебе чудо? Как на рынке?! А если тебе придется ожидать чуда не одно десятилетие? Можно ведь и не дожидаться!

Я честно признался, что так долго ждать не готов. Внутренний голос порекомендовал:

– Если надо быстро, это будет сделка. Бог на это не пойдет. Зато сатана...

– Я душу не продам!

– Речь идет не о продаже, а об обмене. Кроме этого ты еще будешь иметь...

– Нет! – Я был категоричен, и голос умолк.

Я рассмеялся вслух: сам с собой спорю! Неожиданно мне вспомнились слова покойной бабушки Фроси: «Не поддавайся искушению беса желаний, не верь ему, не корми его, иначе он вырастет, окрепнет и будет мучить тебя, ты станешь его рабом, и он упечет тебя в ад на вечные муки».

С Лизонькой я был поразительно боязлив: никак не мог набраться смелости признаться ей в своих чувствах, в последний момент по-детски робея. Однажды, после чудесного пикника в лесу, я довез ее на извозчике до съемной квартиры на Васильевском острове. При прощании Лизонька произнесла: «Ах, какой вы, право, несмелый!» – и, став на цыпочки, быстро прикоснулась губами к моим губам, подарив легкий поцелуй. Чудесный аромат, исходящий от нее, вскружил мне голову, но, вместо того чтобы сжать ее в объятиях, я, как глупец, остолбенел. Лизонька рассмеялась и поспешила наверх, в свою квартиру, где в тот вечер была одна, так как Ксения-Ася уехала на несколько дней к родным в Кострому.

Я не последовал за ней, вернулся «домой», в мансарду, где меня уже поджидала Клавка-Белошвейка. Взволнованный чудесным поцелуем Лизоньки, я не хотел иметь отношений с проституткой, но она стала срывать с меня и с себя одежду и настояла на своем. Подозреваю, что именно это ей больше всего нравится во мне: покоряясь другим и терпя унижения от них, она властвует надо мной, для этого и «подпитывает» меня деньгами. Закрыв глаза и обнимая ее, я находился в фантазиях далеко отсюда и два раза подряд назвал ее Лизонькой, что сильно ее разгневало. Пару раз больно лягнув, словно норовистая кобыла, она столкнула меня с кровати на пол. Тут же заспешила, быстро оделась и, перед тем как выскочить за дверь, вылила приготовленный таз с водой на постель. А я продолжал витать в смелых фантазиях, не принимая реалий жизни. Без сомнения, родители Лизоньки будут категорически против моей кандидатуры в качестве жениха.

А за неделю до моего отъезда произошло ЭТО...

Я столкнулся с Лизонькой, идущей под ручку с каланчеподобным, тощим мужчиной средних лет, в пенсне, котелке и серой клетчатой «тройке». Они вышли из дверей дешевых меблированных комнат, сдающихся почасово для любовных свиданий. Мужчина ступал гордо, торжествуя, с видом удовлетворенного самца, а рядом, млея от счастья, явно вся растворяясь

в нем, точнее, до сих пор чувствуя в себе его присутствие, семенила моя Лизонька. Лицо этого господина показалось мне знакомым, но в то мгновение я не придал этому значения.

«Моя Лизонька! Моя?!»

От этого воспоминания у меня перехватило дыхание, и я уже не замечал яростного шторма, играющего с катером, как будто пока не решившего, как с ним поступить: отправить на дно или отпустить?

У Лизоньки изменилось выражение лица, когда она увидела меня: маска счастья уступила место удивлению, страху, стыду и отчаянию. Да! Отчаяние можно было прочитать в ее взгляде, когда она отшатнулась от рядом идущего мужчины.

– Это совсем не то, что вы подумали, – пролепетала она. – Совсем не то!

– Вы, сударь, подлец! – взорвался я, избегая умоляющего, просящего прощения взгляда голубых глаз Лизоньки.

– А вы – дурак и позер! – все также торжествуя, с ехидной усмешкой на устах ответил мужчина в пенсне. Он по-хозяйски поймал Лизоньку за талию, заставив ее идти рядом подобно рабе, и, не оглядываясь, проследовал дальше.

– Это совсем не то, что вы думаете! – со слезами в голосе, обернувшись напоследок, вновь воскликнула Лизонька и, печально уронив голову, покорно пошла за этим страшным человеком.

Лишь дома я вспомнил, кого мне напомнил этот тощий тип в пенсне – студента-самоубийцу Николая Сиволапцева из моего далекого детства! Химика-недоучку с претензией на мировые открытия!

Чем больше я напрягал память, тем более утверждался во мнении, что это он и есть. Та же зловещая улыбка, ядовито-колющий взгляд за стекляшками пенсне. Он постарел за прошедшие годы, но был вполне узнаваем. Ведь то, что студент покончил с собой, подтверждали лишь его записка и фуражка, обнаруженная возле болотных топей. Ему ничего не стоило таким образом обмануть полицию, чтобы избежать дальнейшего преследования. И теперь наши пути вновь пересеклись...

На смену воспоминаниям пришли фантазии.

Я лежу, навечно упокоившись, в гробу, а возле меня рыдает безутешная Лизонька, коря себя и нервно теребя складки траурного платья. Но тут (черт возьми!) рядом с ней появляется бывший студент Сиволапцев! За печальной миной он прячет торжество, а сразу после похорон везет ее в меблированные комнаты мадам Кокоревой, где траурный наряд, сорванный нетерпеливой мужской рукой, вскоре оказывается на полу, а любовники – в постели.

Картинка была настолько яркой, что я даже закрипел зубами от злости и невозможности чем-либо ему досадить.

После той злополучной встречи меня несколько дней и ночей мучила депрессия, разбавляемая вспышками неистового гнева. Я хотел убить Лизоньку, себя, Сиволапцева! Затем горел желанием срочно увидеть ее; если бы она пришла, я бы ее простил, стерев злополучную картинку из памяти, но она все не приходила. Однажды Лизонька все же нанесла визит и, не застав меня дома, оставила письмо. Вернувшись и получив конверт из рук язвительно улыбающейся хозяйки, не читая, я тут же сунул его в печку, торжествуя в душе, что смог пересилить себя. А через несколько мгновений готов был голыми руками вытаскивать горящее письмо вместе с раскаленными углями, но было уже поздно. Оно сгорело дотла.

В тот же вечер из газеты мне стало известно о нападении эсеров-боевиков на отделение городского ломбарда на Финляндском проспекте. Ограбив кассу, убив посетителя и ранив полицейского надзирателя, боевики бежали, стреляя в пытающихся задержать их жандармов. В ходе погони один из боевиков был убит, а другому удалось скрыться. Однако полиция арестовала шесть человек, причастных к нападению, в том числе их руководителя – описанные

приметы явно указывали на товарища Сергея. Вот тогда я ощутил РЕАЛЬНЫЙ СТРАХ, меня бросило в холодный пот в ожидании неизбежного – появления жандармов, ареста, каторги.

«Почему каторга? Ведь я ничего предосудительного и противоправного не совершил! Я не член их партии, совсем посторонний им человек!» Но страх не отступал, даже потеснил мысли о Лизоньке. Теперь она приходила ко мне только во сне.

Меня стало упорно преследовать убеждение, что, если я отправлюсь в противочумную лабораторию, то арест мне там не грозит. И я с нетерпением ожидал отъезда, считая часы, ощущая, как медленно тянется время. В институте, заметив мое болезненное состояние, превратно сочли, что я робею из-за предстоящей работы в опасной лаборатории.

– Мил человек, не так страшен черт, как его малюют, – пытался успокоить меня Мефодий Акакиевич, мой временный начальник. – Я сам пару годков отработал в таком же заведении, и ничего, живой! Поначалу бывало страшно, потом свыкся – человек ко всему привыкает, и к хорошему, и к плохому. Главное, меры предосторожности соблюдайте, а Бог вам поможет. Езжайте и не бойтесь, Господь с вами!

Я никак не мог дождаться дня отъезда, вконец изведя себя страхами. Глубокой ночью, усталостью преодолевая бессонницу, я проваливался в тревожный сон, и в сновидениях мне являлась Лизонька. Иногда я даже видел ее обнаженной, мог сосчитать родинки на животе, видел мягкий пушок, прикрывающий промежность, небольшой шрам на внутренней стороне бедра, оставшийся, по ее словам, от детских шалостей. Она упрекала меня, что я вел себя с ней как болван, как евнух, держась от нее на расстоянии. Вспоминала, как сама поцеловала меня, и, возможно, позволила бы многое, если бы я тогда поднялся вслед за ней. Прошлой ночью она тоже явилась во сне, но уже с «милым». Оказавшись на двуспальной кровати, они сорвали друг с друга одежду, расшвыряв ее по всей комнате, так что даже очень интимные предметы туалета оказались на полу, а затем предались безудержной страсти. Время от времени Лизонька поворачивалась ко мне лицом:

– Вы хорошо все видите? Ведь вы могли быть на его месте!

А «студент Сиволапцев» добавлял, похотливо ухмыляясь:

– Слабый он, поэтому к проституткам ходит. Видишь – не возражает! Правду ведь не скрыть!

Под самый конец сна Лизонька вдруг обернулась в Клавку, а Сиволапцев – в товарища Сергея, который решил меня успокоить:

– Не бойсь, друг, не выдам я тебя.

Клавка голосом Лизоньки умиротворенно прошептала:

– Николя Сиволапцев пришел заплатить мне, как в заключительной сцене истории про девиц Бьенфилатр¹⁷.

На палубе послышались свистки, топот ног, и я, оторвавшись от воспоминаний, понял, что путешествие близится к концу. Я поднялся на палубу и увидел, как, приближаясь, вырастает в размерах мрачная каменная громадина среди беснующегося седого моря.

Форт, сложенный из красных гранитных глыб, напоминал вытянутый по горизонтали цилиндр. Четыре яруса пушечных портов смотрели на мир пустыми глазницами, но от этого морская цитадель не утратила грозного, предостерегающего вида. Потеряв полторы сотни орудий, несущих разрушение и смерть, форт обрел еще более страшную силу, ужасающую своей невидимостью, подлой внезапностью и неотвратимостью Рока. В Средние века чума опустошала города, обескровливала государства, уничтожала всемогущих королей и, собрав богатый урожай смерти, поставив под сомнение само существование человека, внезапно отступала, словно вдоволь наигравшись, оставляла «игрушку» до следующего раза.

¹⁷ «Девицы Бьенфилатр» – новелла из сборника Огюста Вилье де Лиль-Адана «Жестокие рассказы».

– Господи, пронеси! Разобьет к чертовой матери! – услышал я рядом с собой голос молоденького матросика, видно, впервые попавшего в этот рейс и с испугом смотревшего на приближающийся остров-форт, о гранитное основание которого ряд за рядом бились громадные волны, пытаясь его сокрушить, и от их гула стыла кровь в жилах.

В сердце закрался страх: было непонятно, где можно причалить, не подвергаясь воздействию сумасшедшей энергии волн, готовых в одно мгновение расплющить о каменные стены небольшое судно, неосторожно приблизившееся к ним.

Пароходик обогнул форт и с тыльной стороны подошел к благоустроенной пристани, защищенной волнорезом, позволявшим пришвартоваться при шторме.

Мне пришлось пережить несколько неприятных минут, балансируя с багажом на трапе, пытавшемся ускользнуть из-под ног и обеспечить море поживой. Мрачный вид форта вызвал у меня ассоциации со знаменитой трагедией Шекспира¹⁸.

«Какие неугомонные призраки бродят по ночам в его многочисленных помещениях, нарушая покой живых? Возможно, здесь происходили события не менее трагичные, чем история принца датского».

К моему удивлению, прибытие пароходика осталось незамеченным обитателями форта, для которых, как я уже знал, он был единственным связующим звеном с «большой землей». Мощные железные ворота с грозными, оскаленными мордами львов демонстрировали абсолютное равнодушие к многочисленным тюкам и ящикам, спешно разгружаемым матросами. От причала до ворот и далее, прячась за ними, тянулась узкоколейка. Я подошел к воротам и несколько раз стукнул медным кольцом, торчащим из пасти льва, вызвав глухие протяжные звуки, но никакой реакции не последовало.

Может, жителей форта уже нет в живых? Мне вспомнился рассказ Мефодия Акакиевича об эпидемии чумы, вспыхнувшей в лаборатории и чуть не опустошившей крепость. К своему удивлению, я не испытывал страха: арест был для меня чем-то более осязаемым и ужасным, чем чума, хотя я осознавал различие последствий этих напастей.

– Желаю удачи, господин доктор. Не сердайтесь на меня из-за невольной грубости. Я был ответственен за вашу жизнь, пока вы находились на борту моего судна.

Плотный, коренастый капитан, несмотря на холодный пронизывающий ветер, был в одном мундире.

– Здесь вы уже сами о себе побеспокойтесь, нам пора отчаливать. – Капитан приложил красную от ветра руку к козырьку фуражки. – Честь имею!

– Никто нас не встретил, – поделился я с ним сомнениями, с тревогой глядя на закрытые ворота, и вновь повторил операцию с кольцом в пасти льва. – Что же мне делать, Вячеслав Бенедиктович? – Перспектива остаться один на один с пронизывающим ветром и закрытыми воротами мне не понравилась.

– Не волнуйтесь, за нами давно наблюдают. Имеется строгая инструкция исключить любой контакт с экипажем судна: недавно здесь был объявлен карантин, поскольку один из служащих заболел, но, как мне стало известно, не чумой. Слава тебе, Господи! – Капитан перекрестился размашистыми движениями. – В таких случаях даже письма мы получаем в железном ящике, который дезинфицируют и вскрывают в специальной лаборатории. Хотя тревога оказалась напрасной, инструкции следует соблюдать! Несколько дней обитателям форта придется терпеть некоторые неудобства, а затем все наладится. Не волнуйтесь, как только мы отчалим, к вам выйдут, вы ведь теперь один из них. Прощайте, сударь! Дай Бог вам вернуться живым, здоровым и не в футляре. Господи, спаси и сохрани вас здесь! – Капитан перекрестил и меня.

«Словно прощается со мной навеки. Причем здесь футляр? – У меня по спине поползли мурашки. – Футляр – это гроб?»

¹⁸ Имеется в виду пьеса Уильяма Шекспира «Трагическая история о Гамлете, принце датском», или просто «Гамлет».

Капитан ловко взбежал по трапу на палубу. Не прошло и пяти минут, как катер отчалил и стал отходить в беспокойное море, оставив меня с тоскливым чувством и сомнениями в правильности решения отправиться сюда.

«Зачем мне это добровольное заточение, изоляция от всего мира? Образ жизни здешних обитателей похлеще пребывания в тюрьме, да еще усугубляется постоянной опасностью заразиться страшной болезнью и умереть. Неужели я совершил трагическую ошибку и теперь по своей воле буду нести наказание?»

За спиной послышался металлический скрежет, заставивший обернуться. Ворота дрогнули, приоткрылись, и в проеме показался полный, пышный как пончик, краснолицый жандарм в шинели, придерживающий рукой шапку, которую злой ветер пытался сорвать с его головы.

– Господин Иконников? Попрошу ваши бумаги, – потребовал он.

Казенные фразы никак не вязались с добродушной улыбкой на круглом мясистом лице, на котором не хватало только пенсне, чтобы он был вылитый домашний врач, приезжавший в детстве в родительский дом лечить меня.

– Прошу меня простить, Родион Константинович, но таков здесь порядок. А мое дело – следовать инструкции, раз я для этого поставлен. – Жандарм подтянулся, насколько ему позволял большой живот, и снова приложил руку к фуражке.

Через открытые ворота выехала ручная дрезина, на которой двое мужичков, словно играя в ваньку-встаньку, лихо покатали к куче привезенного груза.

– Господин Иконников, прошу следовать за мной. Можете называть меня Архип Терентьевич. Как вы догадываетесь, я отвечаю здесь за порядок. – Жандарм развернулся и прошел в ворота, за которыми оказался большой, мощный булыжником двор. – Несмотря на то, что у нас работают в основном штатские, это военный объект. Вы должны это как следует усвоить, тут самое главное – дисциплина. Руководитель лаборатории, господин Берестенев, знает о вашем приезде, но вы увидите с ним только вечером: сейчас он чрезвычайно занят и просил его не беспокоить. Я вас представлю вашему непосредственному начальнику, Илье Петровичу, старшему фельдшеру, он и введет в курс дел.

В конце двора я заметил небольшой манеж, где низенький мужичонка в армяке выгуливал лошадь.

– Это Степан, конюх, – счел необходимым пояснить жандарм.

Мы прошли мимо мужичонки, уставившегося на меня как на некое чудо-юдо, и остановились перед обитой войлоком металлической дверью, из-за которой дохнуло теплом и запахом конюшни. Мы оказались в мрачном продолговатом помещении с полукруглым каменным сводом, со стойлами, в которых находилось не менее полутора десятков лошадей и один верблюд, чрезвычайно меня удививший и даже развеселивший. Король пустыни имел понурый вид и, заметив меня, удивился явно не меньше.

Тут же находились трое мужчин, о чем-то энергично спорящих, но притихших при нашем приближении. Жандарм представил меня высокому статному человеку с роскошной копной черных волос и аккуратно подстриженной бородкой, на вид лет тридцати пяти. Мужчина бесцеремонно уставился на меня, его черные глаза словно обладали силой рентгена и пронизывали меня насквозь.

– Очень приятно, – произнес он, выдержав паузу, затянувшуюся сверх всякой меры, так что Архип Терентьевич стал нетерпеливо переступать с ноги на ногу, а я почувствовал себя крайне неудобно. – Я Илья Петрович, ваш прямой начальник, прошу любить и жаловать, а также следовать моим указаниям.

Он слегка кивнул, а затем обратился к стоящему рядом рябому мужику с хитрыми лисьими глазками:

– Семен, выполняй в точности, что я тебе приказываю, а не то пеняй на себя! Ты ведь меня знаешь! Ты меня понял, Семен?!

– Чего пугаете, барин? Может, сошлете обратно на землю, подальше от ваших бацилл? Так я готов! – отозвался рябой с усмешкой.

– Вижу, не понял ты меня, Семен. А ну, поди сюда!

Он отвел рябого в сторону и стал ему что-то выговаривать, энергично жестикулируя; слов я не смог разобрать, зато заметил, как у Семена сползла с лица глумливая ухмылка и он стал угрюмым. Двое других мужиков, видимо, поняв, о чем там идет речь, схватили щетки, ведра и принялись чистить стойла.

– Моя миссия выполнена, я оставляю вас на попечении Ильи Петровича, а вечером свидимся, – сказал мне жандарм. – Рабочих помещений здесь много, а для отдыха всего два: библиотека и бильярдная. Шары я не гоняю, но если вы играете в шахматы, с удовольствием составлю компанию. Тут есть доска с чудесными деревянными фигурами, просто загляденье, и грех их не подвигать. Честь имею! – и он удалился.

Илья Петрович, разобравшись со строптивым рябым, вернулся ко мне.

– Хорошо, что вы приехали, работы невпроворот, а на меня еще навесили обязанности заведующего хозяйством. А я ведь не Фигаро здесь, Фигаро там! – Он бросил на меня внимательный, оценивающий взгляд, мол, поглядим, что ты за рыба такая. – Постарайтесь запомнить, что я вам скажу и покажу. Мы находимся на первом этаже: здесь конюшни, а дальше расположен виварий – мыши и другие грызуны, есть даже обезьяны и северные олени. Лошади у нас не для прогулок, в основном эти животные используются для опытов, на их крови готовится противочумная сыворотка. В том углу вы видите подъемник, с помощью которого лошадей поднимают в лабораторию. Сейчас главное, чтобы вы получили общее представление о нашем учреждении, а свои обязанности изучите в ходе работы.

Он быстрым шагом прошел через конюшню и виварий, поразивший необычной тишиной при таком большом количестве зверушек в клетках. В зоопарке, где мне довелось пару раз бывать, худые, содержащиеся в грязи животные представляли собой весьма жалкое зрелище, но здесь им гораздо хуже, хотя тут чисто и они явно не голодают. Если там тюрьма, то здесь – лестница на эшафот, и мне показалось, что животные об этом знают. По крайней мере, пяток печальных обезьян, каждая в отдельной клетке, производили впечатление осужденных на смерть.

Илья Петрович открыл дверь в следующее помещение, меньшее по размерам, с большими топками двух огромных печей и внушительными горами угля.

«Кочегарка, что ли?» – предположил я, вот только мне не понравился неприятный запах, пропитавший это помещение, от которого меня даже стало подташнивать.

– Это наш крематорий, здесь сжигаем тела животных после опытов, но не только их. – Он сделал многозначительную паузу. – Если не будете соблюдать правила безопасности, тоже можете оказаться здесь, а отсюда только один выход – вместе с дымком через трубу! – У меня по спине пробежал мороз, а он, не останавливаясь, словно ничего ужасного не сказал, продолжил знакомить меня с подсобными помещениями: – Дальше находятся кузница, слесарная мастерская, прачечная и баня. Настоящая, с хорошим паром и вениками. Моемся раз в неделю. Мужчины – по субботам, женский персонал – по воскресеньям. А теперь проследуем на третий этаж.

Исходя из того, что он с большим воодушевлением рассказывал о бане, не акцентируя внимания на мрачном предназначении печей крематория, я пришел к выводу: действительно, не так страшен черт, как его малюют.

Чугунные перила лестницы, соединяющей этажи форта, были настоящим чудом: изящные, ажурные, словно невесомые – настолько тонкой была работа. Они более подходили

какому-нибудь дворцу, чем этой мрачной крепости, где все было приземистое, крепкое, мощное, способное выдержать неистовые удары противника.

Илья Петрович отвел меня в комнату, рассчитанную на четверых, где мне предстояло жить еще с одним фельдшером; здесь я оставил свои вещи. Комната большая, светлая, вполне прилично обставленная, никакого сравнения с моей мансардой, но она мне не понравилась: сырая, холодная из-за гранитных стен и, как по мне, неуютная. Рядом находилась общая столовая: большая зала с десятком столов, накрытых белоснежными скатертями, а дальше – незакрытый лазарет, но показывать его мне мой провожатый не стал.

Прежде чем войти в лабораторию, нам пришлось соответствующим образом экипироваться: мы надели синие матерчатые халаты, сверху прорезиненные плащи, на ноги – боты из того же материала. На руки мы натянули резиновые перчатки, которые, ко всему, окунули в раствор сулемы для дезинфекции. Передвигаться в подобном наряде было непривычно и неудобно, я чувствовал себя весьма неуклюжим. От обилия помещений, через которые мы проходили, их названий, количества и разнообразия лабораторного оборудования, запахов дезинфицирующих средств и химикатов у меня закружилась голова. Ничего подобного до сих пор мне не доводилось видеть, к тому же по своей оснащенности лаборатория оставляла далеко позади институт, в котором я проработал два месяца. В некоторых помещениях находились люди, одетые так же нелепо, как и мы. Каждый занимался своим делом и не обращал на нас внимания. Илья Петрович называл имена, должности, что-то я запоминал, что-то ускользало от моего сознания – сказывалась усталость после утомительного морского путешествия и от внезапного обилия новой информации.

Затем мы спустились на второй этаж, и вновь потянулись бесконечные помещения лабораторий. В одном из них я увидел лежавшее в громадном корыте на огромном столе тело лошади, рассеченное так, что были видны окровавленные внутренности.

– Михаил Федорович, к нам прибыло пополнение! – обратился Илья Петрович к мужчине, судя по всему, только что закончившему вскрытие лошади. – Знакомьтесь: Иконников Родион Константинович, ваш новый помощник, на этот счет уже имею указания от господина Берестенева.

Михаил Федорович оказался человеком симпатичной наружности, с небольшой аккуратной бородкой и выразительными, но печальными глазами.

– Очень приятно познакомиться, – улыбнулся он мягкой, доброй улыбкой, которая никак не вязалась с его окровавленными перчатками. Он счел нужным представиться: – ветеринарный врач Шрейбер Михаил Федорович. Вечером, после ужина, продолжим наше знакомство, а пока, прошу прощения, мне надо работать.

В следующее помещение заходить не стали, Илья Петрович лишь пояснил:

– Это наша так называемая «черная лаборатория», тут после заражения микробами берем кровь у лошадей для приготовления сыворотки. У вас будет возможность побывать здесь не один раз. Вон та дверь ведет в заразное отделение лазарета, в данный момент свободное. Было у нас недавно одно нелепое происшествие, из-за которого объявили карантин, но, слава богу, все обошлось. Вот только приказ о снятии карантина от нашего большого начальства мы пока не получили, но, думаю, ждать его нам день-два, не больше.

Он завел меня в комнату с высокими металлическими шкафами и несколькими ящиками на полу и сказал:

– Разоблачайтесь. Плащи и боты для дезинфекции бросьте в тот ящик, а халат и колпак – в этот, они пойдут в стерилизатор, а затем в стирку. Как видите, к соблюдению мер безопасности мы относимся весьма строго. Руки рекомендую ополоснуть раствором сулемы, а уж потом помыть с мылом. И поторопитесь, наша экскурсия не закончена, а у меня много дел помимо этого, так что смогу уделить вам еще лишь несколько минут.

Я, следуя указаниям Ильи Петровича, быстро и с удовольствием сбросил неудобный плащ, в котором чувствовал себя средневековым воином в латах.

– Там дверь бильярдной, с ней ознакомьтесь сами, после ужина, а здесь у нас библиотека.

Мы зашли в просторное помещение со стеллажами с книгами, столами и удобными стульями. Под зеленым абажуром сидела сухонькая пожилая женщина в очках и что-то записывала в большую тетрадь.

– Знакомьтесь, наш библиотекарь Софья Александровна, она поможет отыскать нужную книгу, а при необходимости сделает заказ в библиотеку в Петербурге.

Я раскланялся с женщиной, которая приветливо улыбнулась мне и протянула руку для поцелуя.

– А это, – привлек мое внимание Илья Петрович к высокой цилиндрической подставке из черного мрамора (она была украшена двумя большими венками из бронзовых цветов и поддерживала яйцеобразную вазу из серого гранита, к верхушке которой также был прикреплен небольшой бронзовый венок), – урна с прахом доктора Владислава Ивановича Турчинович-Выжникевича, который заведовал лабораторией в 1904 году и погиб, заразившись чумой.

Мне было жутко смотреть на сосуд, содержащий в себе прах человека, который всего три года назад жил в этом непрестом заведении, строил далеко идущие планы, получал сыворотку для спасения человечества, а сам не уберёгся.

– Его смерть была... мучительной? – непроизвольно вырвалось у меня, и я покраснел.

Илья Петрович посмотрел на меня с усмешкой:

– В библиотеке имеется история болезни доктора Турчинович-Выжникевича с очень подробным описанием ее течения, а также истории болезней других сотрудников, которые имели несчастье заразиться. Если любопытствуете, Софья Александровна вам их предоставит.

Старушка кивнула с улыбкой, словно речь шла о каком-то захватывающем романе вроде приключений Робинзона Крузо.

– Читением сможете заниматься вечером, после работы. К вашему сведению, у нас строго соблюдается распорядок дня. В семь часов подъем, о чем известит свисток дежурного. Должны привести себя в порядок, позавтракать и не позднее девяти часов приступить к работе. В 13 часов свисток на обед, и в вашем распоряжении полтора часа на отдых, но не позже 14.30 следует вновь быть на рабочем месте. В 20 часов свисток на ужин, потом свободное время, но используйте его так, чтобы на следующее утро не зевать на работе, ведь здесь любая небрежность или оплошность может стать фатальной. – В подтверждение своих слов Илья Петрович указал рукой на урну с прахом и добавил: – И не только для вас. К вашему сведению, покинуть лабораторию вы сможете лишь с разрешения руководителя, которое он дает весьма неохотно и только в особых случаях.

Затем он достал из кармана часы-луковицу на серебряной цепочке, как бы напоминая о неумолимости бога Хроноса.

– Вы получили общее представление о нашем учреждении. Так как до конца рабочего дня мы имеем еще три часа, это время побудете в моем распоряжении. При первой же возможности я представлю вас руководителю лаборатории – доктору Николаю Михайловичу Берестеневу, он весьма занятой человек. После ужина можете пообщаться с доктором Шрейбером в библиотеке – обычно он проводит это время там, а если нет, найдете его в комнате под счастливым номером семь, он там проживает.

— 3 —

Уже целый месяц я тружусь в лаборатории, постепенно привыкая к строго регламентированным будням, неудобной одежде и неприятному запаху дезинфицирующих средств. Мой сосед по комнате, фельдшер Осип Корзухин, оказался тем самым больным, из-за которого ошибочно объявили карантин, и он, пробыв неделю в изоляторе, натерпелся страху. Я не успел с ним близко сойтись, так как вскоре он навсегда покинул лабораторию, не желая больше подвергать свою жизнь опасности. И я остался в комнате в полном одиночестве, о чем несколько не жалею.

Лаборатория занимается не только приготовлением чумной вакцины-лимфы, противочумной сыворотки, но и готовит холерную вакцину, холерные и брюшнотифозные диагностические агглютинирующие сыворотки.

Работа в лаборатории вытесняла мысли о Лизе до момента, пока я не укладывался спать, и тогда на меня обрушивались болезненные воспоминания прошлого. Чтобы не впасть от них в глубокую депрессию, я придумал «лекарство»: все время был на людях, играл в шахматы, бильярд, лото, чаевничал до полуночи и добирался до своей комнаты, часто не имея сил даже раздеться. Только под утро, продрогнув из-за сырости, с которой никак не могло справиться паровое отопление, я, стуча зубами, залезал под одеяло, ожидая услышать в скором времени ненавистный сигнал к подъему. Обычно он раздавался, как только мне начинало сниться что-то приятное, светлое, и его пронзительный звук выметал это сновидение из памяти напрочь.

Под руководством доктора Шрейбера я тружусь с удовольствием. Он не конфликтный человек, интеллигентный, мягкий, никогда не использующий бранных слов даже в критических ситуациях, которые я ему на первых порах часто подбрасывал из-за своей неумелости и недостатка знаний. В чем-то мы даже похожи: своим одиночеством среди толпы, маскировкой чувств. Меня к нему влечет, но он не стремится к близкому общению вне служебных рамок. У меня даже возникло предположение, что он, возможно, находится здесь из-за несчастливой любви. Впрочем, это лишь мои фантазии, а он – истинный фанатик науки.

Добродушный толстяк доктор Заболотный в целях профилактики сделал мне инъекцию противочумной сыворотки. После укола я собирался идти в специальную комнату, чтобы приступить к опасному занятию: заражению животных микробами чумы. Вдруг все поплыло перед глазами, и я потерял сознание. Очнулся на кушетке в своей комнате, с привкусом металла во рту и ужасной головной болью, а надо мной стоял обеспокоенный милейший Михаил Федорович. Тут у меня начались непроизвольные судорожные подергивания рук и в области затылка, и я до смерти испугался. Михаил Федорович меня успокоил: подобная реакция организма иногда возникает, у него самого были такие же симптомы после уколов противочумной сыворотки. Отлежавшись, я на следующий день приступил к работе, ощущая тошноту, слабость во всем теле и сонливость. Последствия этой прививки я испытывал еще целую неделю, и хотя по инструкции требовалось сделать ее повторно через десять дней, я наотрез отказался.

Работа здесь далеко не эстетическая, требующая крепких нервов и полного отсутствия брезгливости. Одной из самых неприятных рабочих процедур является вскрытие трупов зараженных животных. Трупы, приколотые к пробковым доскам, лежат в эмалированных поддонах с высокими бортами. В мои обязанности входит после окончания вскрытия переместить труп в эмалированный горшок и варить его там двадцать минут, мучаясь от тошнотворного запаха, и лишь после этого отправлять в печь крематория. Для дезинфекции рук при заражении и вскрытии животных на столах имеются банки с лизолом, раствором сулемы и карболовой кислотой. Даже пол по окончании работ постоянно орошают раствором сулемы. Из-за постоянного соприкосновения с этими средствами руки, несмотря на перчатки, приобрели весьма неприятный запах, который можно перебить разве что одеколоном.

Менее неприятным, но от этого не менее ужасным по своей сути, является заражение животных, хотя когда в роли подопытных выступают мелкие грызуны, я не испытываю к ним сочувствия. Но при заражении обезьяны Марты я едва смог совладать с эмоциями. Ее умные, почти человеческие глаза смотрели на меня с таким укором, когда я накладывал на ее лицо повязку с хлороформом для усыпления. Затем последовала пренеприятная процедура запуска зонда в ее гортань для подачи зараженной культуры. Я с жалостью смотрел, как ее беззащитное тельце дрожит, как она чуть не задыхается, закашлявшись, по мере продвижения зонда. В душе я страстно желал, чтобы наш эксперимент оказался неудачным и Марта не заболела чумой, не у всех животных после заражения наблюдались симптомы заболевания. Наша цель – выяснить, каким именно образом проходит заражение легочной чумой, на этот счет имеется несколько гипотез. Но у Марты вскоре проявились все симптомы болезни, и наши доктора поздравляли друг друга, радуясь удачному эксперименту, а обезьяна погибла, ей не помогли большие дозы противочумной сыворотки.

Мне проще и не так волнительно проводить заражение морских свинок, нанося на слизистую оболочку носа так называемую сухую чумную пыль стеклянной палочкой с ватной обмоткой. Однако не все происходило гладко, а сами эксперименты вызывали между нашими докторами жаркие баталии, что приводило к бесконечной перемене методов заражения.

Имея дело со смертью, невольно к ней привыкаешь, и многое, что кажется со стороны ужасным, становится будничным, обыденным. Работая с культурами чумы, я не чувствую никакого страха, мне не верится, что эти болезнетворные палочки, видимые лишь в микроскоп, в Средние века могли уничтожать города, порой ставя целые народы перед Гамлетовским вопросом «Быть или не быть?».

Я пока не пишу продолжение романа, но, размышляя над природой страха, пришел к любопытнейшему выводу: страх – это порождение наших желаний. Ведь если бы у меня не было желания стать писателем, то я бы продолжал лечить коров и лошадей и не оказался бы здесь, где страх и смертельная опасность связаны неразрывно.

В пятницу, двенадцатого числа, я помогал доктору Шрейберу, собиравшему эмульсии чумных микробов с агарных разводов для точного определения бактериальной массы, которую можно получить из одной пробирки с косым агаром. Предстояло сделать множество экспериментов, но когда я сообщил ему, что закончились пастеровские пипетки с двумя ватными пробками и нужно сделать перерыв, чтобы я мог сходить за ними, он покачал головой и категорически потребовал продолжать эксперимент с помощью пипетки с одной пробкой. Я покори́лся, и тогда произошло ЭТО.

Михаил Федорович, втягивая ртом в пипетку эмульсию чумных бацилл, набрал их слишком много, так что они слегка замочили ватку. Я окаменел от страха, а он спокойно закончил эксперимент и лишь после этого промыл рот раствором сулемы, ужасно морщась и сплевывая. Видя, что я сильно напуган, он, по своему обыкновению, улыбнулся по-доброму:

– Что это на вас лица нет, Родион Константинович? Устали-с? Ничего, через четверть часа будет обед, отдохнете-с.

– Михаил Федорович, – запинаясь, произнес я, – это очень опасно... Не мне вам об этом говорить... Обратитесь к доктору Заболотному, чтобы он сделал вам прививку... – и с ужасом закончил фразу: – ...пока не поздно!

– Не надо делать из мухи слона! – вновь улыбнулся он. – Ничего страшного не произошло, а все необходимые меры я уже принял.

– Доктор Заболотный... – вновь начал я.

– Делать прививку сывороткой не буду, от нее я скорее умру, чем от чумы. У меня осложнения после нее были значительно сильнее и болезненнее, чем у вас. Попрошу вас дать мне слово, что о произошедшем здесь вы никому не расскажете.

– Но... ваша жизнь... – заколебался я.

– Я опытный врач и сам смогу с этим справиться. Жизнь я люблю не меньше вашего. – В этот момент раздался свисток. – Вот и прекрасно! Идемте обедать, милейший Родион Константинович. Так вы даете мне слово? Кстати, у вас не будет никакого поручения в Петербурге? Я буду там сегодня вечером.

И я, скрепя сердце, надеясь на его врачебный опыт, дал слово никому не рассказывать о случившемся. По дороге в столовую Михаил Федорович, находясь в хорошем расположении духа, рассказал, что после обеда отправится по личным делам на прибывшем пароходике «Микроб» в Кронштадт, а затем в Петербург, и в лабораторию вернется лишь в понедельник утром. Неожиданно для себя я попросил его оказать мне услугу: захотелось написать записку Лизе, и я попросил добрейшего Михаила Федоровича, прибыв в город, отправить ее вместе с букетом роз с посыльным. Но, начав писать, я понял, что не нахожу нужных слов, что обида еще жива во мне. Пришлось сбивчиво объяснить Михаилу Федоровичу, что просьба отменяется. Он понял мое состояние и не стал допытываться.

На причал Михаил Федорович вышел в свежоотутюженном мундире, благоухая мужскими духами, чего ранее за ним не замечалось, и был посвежевшим и веселым. Все это укрепило меня в мысли, что это не обычная поездка и, возможно, связана с дамой сердца. Ведь как по-другому можно было объяснить его праздничный вид и то, что он отправился в город, а не, как обычно, проводил выходные дни в библиотеке? Но поскольку он явно был рад предстоящему путешествию, я успокоился и у меня отлегло от сердца.

Михаил Федорович появился в лаборатории уже на следующий день, прибыв утренним рейсом «Микроба» из Кронштадта, смертельно напугав меня своим болезненным видом.

– Не волнуйтесь, это лишь легкое недомогание, простуда, – заговорщицким тоном сообщил он мне. – По-глупому себя повел – стоял на палубе под пронизывающим ветром в распахнутой шинельке, и вот результат: ночью плохо спал, появились колики в правом боку и лающий, «собачий» кашель. Поэтому решил поездку в Петербург отложить. Распоряжусь, чтобы на ночь поставили банки, а завтра мы с вами будем работать как обычно.

Утром он явился на рабочее место с осунувшимся, желтым лицом, зашелся лающим кашлем, в итоге сплюнул мокроту в чашку Петри, рассмотрел ее и горько усмехнулся:

– Я так и знал: мокрота кровавая. Похоже, больше скрывать не имеет смысла. Пойду повинюсь перед господином Берестеневым, а вы подождите меня здесь, никуда не уходите.

От страха у меня ноги стали ватными, я оперся на лабораторный стол, чтобы не упасть. Я понимал, что за этим последует: у Михаила Федоровича, скорее всего, чумная пневмония, а ближе всех с ним общался я. И даже если я вскоре не заболею, заразного лазарета-изолятора мне не избежать. Поэтому Михаил Федорович и сказал, чтобы я никуда не уходил, пока за мной не придут. А куда я могу деться с этого проклятого острова, если вокруг вода? Разве только вниз головой в бурлящие буруны, чтобы избежать ужасов постепенного и очень болезненного умирания. Оставалась крохотная надежда, что лабораторные анализы опровергнут наши догадки, и это всего лишь обыкновенная простуда. Но вскоре за мной пришли...

— 4 —

В качестве палаты Михаилу Федоровичу определили большую, светлую комнату-лабораторию на третьем этаже, куда он пришел самостоятельно, под наблюдением Ильи Петровича. У меня взяли слюну и кровь на анализы, хотя мое состояние ни у кого не вызывало опасений: температура нормальная, никаких болей я не чувствовал, кашля не было. Доктор Заболотный посчитал это своей заслугой, так как именно по его настоянию мне сделали противочумную прививку. А вот у Михаила Федоровича в слюне обнаружили огромное количество овальных микробов с полюсной окраской, не красившихся по Грамму, и в том, что у него чума, не было сомнений. После небольшого консилиума доктор Берестенев вынес свой вердикт: в лаборатории объявляется карантин, о чем ставят в известность институт и строго ограничивают все контакты с Кронштадтом. А поскольку я непосредственно контактировал с доктором Шрейбером, меня следует изолировать от других сотрудников, но, так как у меня не обнаружены симптомы заболевания, то это заточение будет моей работой: мне поручено обслуживать больного доктора.

Состояние Михаила Федоровича катастрофически ухудшалось, он принял как неизбежное летальный исход и отказался от введения ему сыворотки, мотивируя это тем, что она ничем не поможет, а лишь усилит и продлит его страдания. Мне же ввели еще одну дозу сыворотки, и я перенес это легче, чем в первый раз, хотя доза была в два раза больше.

Несмотря на возражения, инъекции Михаилу Федоровичу сделали. Температура у него держалась в пределах 39,5 °С, пульс был учащенным, 120–140 ударов в минуту, кашель с кровавой мокротой то усиливался, то затихал. Его самочувствие резко ухудшилось к ночи, и, чтобы хоть немного унять боль, применили морфий. Днем были отмечены некоторые признаки улучшения, и я обрадовался, но к вечеру они сошли на нет. Михаил Федорович все больше слабел, у него явно прогрессировал отек легких, а после введения кофеина и камфары началась кровавая рвота.

Мне было страшно и больно смотреть на этого замечательного человека, медленно угасающего на глазах, несмотря на все усилия, предпринимаемые докторами. От ужасного кашля у него выступала пена на губах, а широко открытые глаза от недостатка воздуха из-за пораженных болезнью легких, казалось, готовы были вылезти из орбит. За два дня, прошедшие после начала болезни, Михаил Федорович высох, осунулся, кончики пальцев стали синюшными. У него не осталось сил даже сплевывать в ведро.

Но я и сам чувствовал недомогание, стал нервозным, страдал из-за сильных головных болей и, когда к вечеру почувствовал озноб, ужаснулся от мысли: вот и все! Мне даже не пришлось об этом сообщать, доктор Падлевский первым заметил мое состояние и потребовал, чтобы меня уложили в постель. Палатой стала моя комната, так как она находилась недалеко от изолятора, в котором умирал Михаил Федорович. Самое ужасное – это то, что меня время от времени слабило, и я с трудом добирался до ночного горшка, стуча зубами от озноба. Ночь я провел без сна, чувствуя сильную боль в правой подмышке, которая к утру несколько стихла, но затем снова усилилась. Острая боль распространилась на правую часть груди, я даже не мог двинуть рукой. Утром температура достигла 40,3 °С, доктор Падлевский, прощупывая железы в подмышке, недовольно нахмурился и избегал ответа.

– Как самочувствие Михаила Федоровича? – поинтересовался я у него.

Тот вскинул на меня испытующий взгляд, видно, раздумывая, что ответить, но уже по его напряженному виду я понял, что тот умер.

– *Exitus letalis*¹⁹ прошлой ночью, – подтвердил он хмуро мою догадку.

¹⁹ Исход летальный (лат.).

Мне ввели огромную дозу противочумной сыворотки, и, видимо, от этого, а также от высокой температуры, которая все не спадала, я стал бредить. Реальность смешалась с галлюцинациями, и вскоре фантазмагории цветных сновидений полностью овладели моим сознанием.

Ко мне образовалась нескончаемая очередь знакомых по Петербургу и даже друзей детства, с которыми я давно потерял связь. Одни, смеясь, спрашивали меня о чем-то, другие с мрачным видом приносили увядшие цветы и молча клали на постель, я старался столкнуть их ногой, но мне это не удавалось. Цветы нагромождались, издавали зловонный запах. Я ждал, когда ко мне придет Лизонька, но она все не приходила, зато мрачный Николай Сиволапцев уже два раза навестил меня, принеся увядшие цветы с запахом осени и похорон, злорадно поблескивая стеклышками пенсне. Вдруг в сознание пробились обрывки разговора возле моей кровати.

– Анализы подтвердили, что у доктора Падлевского чума. Во время вскрытия тела доктора Шрейбера он порезал скальпелем палец, но не предпринял достаточных мер и сейчас настолько ослабел, что нам пришлось перенести его на руках в палату, где раньше лежал доктор Шрейбер. Его состояние крайне тяжелое.

– А как вы оцениваете состояние Иконникова? Он уже длительное время не приходит в сознание.

– Критическое. Налицо бубонная чума. Есть предпосылки, что она перерастет в чумную пневмонию, и тогда можно надеяться только на чудо. Но пока подмышечные бубоны не достигли больших размеров...

Внезапно разговор заглушил шум оркестра, где на инструментах играли шимпанзе, а роль тамбурмажора исполняла обезьяна Марта. Она была чрезвычайно весела, строила смешные рожицы и ловко управлялась с громадным жезлом, на самом конце которого висели конские хвосты с бирками «Булан», «Северный», «Ласковый», «Бурка», «Трезор». В основном это были имена лошадей, которые прошли через руки доктора Шрейбера за время моей работы здесь, но ведь Трезор был собакой!

Тут я разглядел среди лошадиных хвостов собачий хвост. Неожиданно веселый оркестр оказался на первом этаже, возле топок крематория, и с новой силой заиграл туш, словно готовился выход цирковых артистов. Вместо них я увидел на лабораторном столе изрезанное обнаженное желтое тело доктора Шрейбера. На незащитные после вскрытия чудовищные раны невозможно было смотреть. Сквозь несмолкающую музыку пробились безучастный голос: *«...верхняя доля правого легкого занята сплошным пневмоническим фокусом²⁰ красно-серого цвета... Левое легкое отечно... Селезенка буро-красного цвета, увеличена в два раза... Кожа и склеры глаз желтушно окрашены»*. Вдруг здесь оказался Илья Петрович в плотно облегающей черной одежде, открыл топку, где грозно гудело жаркое пламя, и приготовился отправить туда тело несчастного доктора.

– Зачем так?! – не выдержав, воспротивился я. – Надо тело обмыть, надеть мундир...

– А с нами как поступали? – возмутилась обезьяна Марта. – Его хоть не варят перед сожжением.

– Молчать! Каждому свое! – заорал на нее неожиданно появившийся мрачный химик Сиволапцев, затянутый в полосатый костюм. – Иконников должен знать, что его вскоре ожидает, ни больше ни меньше!

Обезьяна испуганно попятилась и спряталась среди оркестрантов, смешавшихся в кучу и начавших играть невпопад, создавая какофонию.

– Канкан! – заорал Сиволапцев, который, по всей видимости, был здесь главным, так как его все безропотно слушались.

²⁰ Фокус – здесь: очаг болезненного процесса в организме.

И грянул веселый канкан.

Тут же, перед топкой крематория, в нарядах артисток варьете выскочили женщины, работающие в лаборатории, которые ни по возрасту, ни по сложению в такие танцовщицы не годились. Среди них была седенькая, очкастая библиотечка, скрипевшая суставами, когда высоко поднимала ногу; почти квадратная толстуха повараха со своей помощницей, длинной, как каланча, нескладной, угловатой девицей Дуняхой, которая старалась вовсю, вскидывая голенастые, худючие, как у страуса, ноги; и... меня бросило в пот – Лизонька! Она усердно отплясывала, подобно остальным, с приклеенной искусственной улыбкой.

– Лиза! Лизонька! Что вы здесь делаете?! – пытался я до нее докричаться, но она продолжала танцевать, порой скользя по мне безучастным, невидящим взглядом.

– Хватит! – смиловился Сиволапцев, сидя на верблюде, и хлопнул в ладоши.

Позади него радостно захлопали, завизжали обезьяны, и артистки ринулись к двери.

– Лизонька! – крикнул я и попытался ее догнать, но неведомая сила не дала мне сдвинуться с места.

– Зачем тебе это? – поинтересовался Сиволапцев, ехидно улыбаясь. – Она принадлежит миру живых, а ты – миру мертвых, между вами пропасть!

– Снова пропасть! – закричал я. – Я не мертвый, я – живой!

– Он тоже в это не верил, а сейчас уже и не возражает. – Сиволапцев махнул рукой, и Илья Петрович ловко задвинул носилки с телом доктора Шрейбера в огненное горнило, сразу захлопнув за ними дверь.

– Через час сорок от вашего доктора останется кучка пепла. Был хороший человек, мечтал прославить свое имя научными открытиями, а прославился, да и то на незначительный срок, своей смертью. Спрашивается, зачем ему надо было постоянно корпеть на работе, в библиотеках, когда все его научные труды оказались ничто, прах? Ведь у него было приличное состояние, имение, разделенная любовь с красавицей Катенькой, на которой он собирался жениться в скором времени, и всем этим он пожертвовал ради чего?!

– Вы не правы! Михаил Федорович очень много сделал, его статьи, научные труды... – бросился я защищать доктора. – Позвольте, по какому праву вы здесь командуете? Думаете, я вас не узнал? Вы химик-недоучка Николай Сиволапцев!

– Не важно, каким именем себя называть, главное, кто ты есть... Я – бес желаний! – гордо заявил мужчина, и мне осталось лишь саркастически рассмеяться.

– Хорошо, что вы не назвались Богом! – не удержался я от колкости.

– А какая тебе разница, если чудесным спасением ты будешь обязан мне, а не ему? – рассмеялся мужчина.

«Выходит, мои детские страхи имели основания, и попович Мишка не ошибся, разглядев в нем беса. Ничем не примечательная внешность, не выделяющаяся в толпе, – и вдруг бес?! Ужасно, что с ним была моя Лизонька, не зная, какой страшной опасности подвергается».

– Илья Петрович, хорошо, голубчик, что сюда зашли, – послышался голос Берестенева. – Временно приостанавливаем все научные работы и начинаем наводить порядок. Помещение, где трудился доктор Шрейбер – царство ему небесное! – канцелярию, библиотеку, прилегающие коридоры продезинфицировать гликоформоловым аппаратом Лингнера²¹, а затем оросить из гидропульта раствором сулемы. Деревянную и железную мебель обмыть мыльно-карболовым раствором, мягкую сжечь. Лишний хлам, старые халаты и обувь из заразной лаборатории – сжечь. Да вы и сами прекрасно знаете, как и что надо делать, к сожалению, не впервой. – Послышался тяжелый вздох.

²¹ Устройство для получения паров дезинфицирующего вещества, в данном случае гликоформола – смеси глицерина с формалином.

– А... – донесся голос Ильи Петровича, и я понял, что он, возможно, подкрепив этот звук еще и жестом, интересуется моим состоянием.

– Все в руках Господа, – слышался голос Берестенева. – Шансы мизерны и весьма иллюзорны... Жаль его, толковый был фельдшер.

«Обо мне в прошедшем времени!» У меня сердце оборвалось, и, видно, чтобы придать мне оптимизма, вновь заиграл обезьяний оркестр.

– Вы отобрали у меня Лизоньку и жизнь забираете! – Я попытался замахнуться на Сиволапцева, наблюдавшего за мной с улыбкой.

– Я пока ничего не забирал и ничего не давал. Если желаете, то могу помочь, а цена известна – душа, ни больше ни меньше! – рассмеялся бес желаний. – Еще не поздно: я пока не сделал запись в Книге Судеб. Я и так иду вам навстречу: за свою жизнь вы понаделали много такого, из-за чего сразу после смерти попадете во владения Люцифера на весьма длительный срок. Прежде чем оказаться в райских кущах, вам предстоит повариться в смоле не одну сотню лет. Так хоть поживите несколько лет нормально здесь, на земле!

У меня перед глазами возникло нежное личико Лизоньки, читающей книгу возле окна, и я услышал ее мысли: она думает обо мне, волнуется – ведь я долго не даю о себе знать!

«Она вспоминает обо мне!» У меня от радости чуть не остановилось сердце, но видение Лизоньки уже исчезло, а передо мной вновь стоял бес в человеческом облике – пренебрежительный тощий тип в клетчатом костюме, с котелком на голове.

– Красивая барышня? – хихикнул бес. – Как же ты мог меня к ней приревновать? Разве ты недостаточно ее знал, чтобы выдумать этакое? Но я не об этом. Жаль ее! То, что она связалась с революционерами, до добра ее не доведет, да и того хуже... Она по глупости разрешит хранить у себя в подвале динамит, гремучую ртуть, словом, все, что требуется для изготовления бомб. После одного неудачного революционного экс²² к ней домой прибежит прятаться товарищ Сергей...

– Он же погиб! – удивился я.

– Нет, пока жив и на свободе. Его выследят, обнаружат в ее доме, он начнет отстреливаться, затем взорвет динамит в подвале. Ба-бах! – веселясь, взмахнул руками бес.

– Лизонька... погибнет при взрыве?

– Нет, она не погибнет – ее повесят! При взрыве погибнет много полицейских и прочего люду. А вы, пожертвовав своей душой, можете спасти и себя, и ее. Одну душу за вас двоих! Я весьма щедр, не находите? Вам даже не надо кровью расписываться, сейчас не Средневековье и наука далеко ушла, тем более ваша кровь заражена чумными палочками. Обычные чернила будут в самый раз. – Бес подал мне заостренное гусиное перо, кончик которого обмакнул в чернила фиолетового оттенка.

«Лизоньке угрожает опасность и позорная смерть! Я спасу ее!»

– Я согласен! – говорю я, беру перо и... проваливаюсь в пропасть небытия.

Прихожу в сознание утром и сразу чувствую, что температура спала. Слабым голосом прошу пить. Тут же поднялся переполох, ко мне пришел Берестенев, который только и смог произнести:

– Да-с. Пути Господни неисповедимы... Будем надеяться.

Несмотря на сильную слабость, я не сомневался, что выздоровею, буду жить. Вот только видения горячечного бреда не давали покоя – уж очень все это было реалистично, словно я и в самом деле общался с бесом желаний, прислужником Сатаны. Принимаю решение: после выздоровления обязательно съезжу на вычитку в Соловецкий монастырь.

²² Экс – здесь: экспроприация.

— 5 —

Мне не верится, что я снова в Петербурге. Мрачные, вечно сырые стены форта-лаборатории остались далеко позади. Больше мне не надо опасаться заражения смертельными инфекционными заболеваниями, разве что простудными, на которые так щедр построенный на болоте город.

Лето близится к концу, сегодня небо хмурится, моросит дождик, но как приятно шагать по многолюдным улицам! Я радуюсь несмолкаемому шуму механических экипажей, грохоту неторопливой конки, хриплым голосам извозчиков, покрикивающих на лошадей, и звонким голосам мальчишек-газетчиков, привлекающих внимание очередной сенсацией.

Мое выздоровление сродни чуду, которое уважаемые доктора лаборатории объяснили крепостью моего организма, а также чудодейственной силой изготавливаемой ими противочумной сыворотки. Также выздоровел доктор Падлевский, и только прах доктора Шрейбера пополнил колумбарий, устроенный в библиотеке лаборатории. В августе заведующий лабораторией доктор Берестенев дал мне две недели отпуска для отдыха и укрепления здоровья, чем я незамедлительно воспользовался, надеясь увидеть Лизоньку, ну а потом и своих родителей навестить. Из головы не выходит мрачное пророчество в отношении Лизоньки, увиденное в бреду. Как только пошел на поправку, я написал ей. В ответ получил очень теплое письмо с туманными намеками, приветами, за которыми мне почудилась зловещая фигура товарища Сергея, и я уже не сомневался, что он жив и продолжает действовать. И если это так, то фантазмагорические картины будущего, пригрезившиеся мне во время болезни, вполне могут стать реальностью.

Бессмысленно рационально объяснять удивительные случаи, когда люди, которые чувствуют друг друга на огромных расстояниях без помощи каких-либо устройств, предвидят то, что может произойти в скором времени с близким человеком. Так и я чувствовал Лизоньку, и мне казалось, что я знаю, чем она занимается, о чем думает. Я очень боялся, чтобы она не совершила трагическую ошибку, разрешив хранить динамит в своем доме. Здравый смысл отметал эти опасения, настаивая на том, что это были лишь бредовые видения, никак не связанные с действительностью.

Чтобы развеять одолевающие меня сомнения, я торопился увидеть Лизоньку и выяснить, имеют ли основания мысли и страхи, преследующие меня. Мы с Лизонькой договорились встретиться в Летнем саду, где, казалось, так давно, а на самом деле всего несколько месяцев тому назад, ранила мое сердце Селина, к счастью, неглубоко.

Мы очень обрадовались нашей встрече и, взявшись за руки как дети, гуляли по парку, утонув в потоке счастья, охватившего нас, радуясь моросящему дождику и то и дело сменявшим его ласковым солнечным лучам. Окружающий мир был добр и светел. Я изрядно промок, так как зонт Лизоньки не мог защитить нас обоих, но чувствовал себя превосходно и млел от счастья, любуясь Лизонькой, ловя каждое ее движение, выражение лица. Мы весело болтали обо всем на свете, делаясь произошедшими за время разлуки светлыми событиями, избегая тем, которые могли касаться нашей размолвки и всего того, что имело отношение к революции. Но недосказанность недолго таилась, постепенно подчиняя себе мысли, от которых не уйти и которые не обойти. Когда очередной дождик загнал нас в свободную летнюю беседку, я не выдержал и завел этот нелегкий разговор:

— Как поживает товарищ Сергей? Он не вспоминает обо мне? — Я испытующе посмотрел на Лизоньку, а она неожиданно расплакалась:

— Они все... погибли!

Громкие рыдания сотрясали ее — так в ясный летний день хмурые грозовые тучи вдруг заполняют небо и обрушивается проливной дождь. Лишь спустя время из отрывочных фраз

мне удалось составить картину произошедшего, и я был потрясен, насколько мой болезненный бред оказался похож на реальные события.

Группа под руководством товарища Сергея планировала ни больше ни меньше как покушение на премьера Столыпина. К ним присоединился специалист по изготовлению бомб под партийной кличкой Химик. Для соблюдения конспирации связь с ним должна была обеспечивать Лизонька, как человек, заслуживающий доверия, хотя она не являлась членом партии эсеров. Немаловажную роль сыграло то, что она ни разу не «засветилась» в полиции. Именно Химика увидел я, когда они вместе выходили из гостиницы, где тот остановился, и неправильно истолковал ситуацию. Лизонька после моего объяснения сильно покраснела, хотя и не перестала всхлипывать.

Потребовалось место, где можно было хранить взрывчатку, и на первых порах ее определяли в подвал Лизино дома, рассчитывая, что в доме статского советника полиция наверняка не станет ее искать. Я похолодел, услышав это, мне вспомнились галлюцинации во время болезни. Затем, по предложению Химика, революционеры сняли на окраине города дом, куда перенесли взрывчатку, там он и приступил к изготовлению бомб. У меня заколотилось сердце, как только я услышал, когда это произошло, – как раз во время моей болезни! Выходит, решение перенести взрывчатку из дома Лизоньки в другое место зависело от человека, который прикинулся бесом в моем бреде, и реальные события происходили параллельно с фантаσμαгорией, овладевшей мной в бессознательном состоянии!

Ее подруга Ксения перебралась жить в дом, преобразованный в лабораторию по изготовлению бомб, и Лизоньке больше не требовалось осуществлять связь с Химиком. Вскоре она как-то незаметно отошла от партийных дел, больше времени стала уделять учебе. Даже с Ксенией, переставшей посещать Бестужевские курсы, у нее нарушилась связь. О трагических событиях она узнала из газет.

Около трех часов дня переодетые в жандармскую форму товарищ Сергей и два его сподвижника в открытую явились на служебную дачу премьер-министра Столыпина, находившуюся на Аптекарском острове, но охрана заподозрила неладное и попыталась их задержать. Тогда боевики взорвали бомбы, лежавшие у них в портфелях, и это разорвало их всех на куски, разрушило дом и унесло жизни еще двадцати девяти человек, а тридцать пять человек были ранены.

– Ведь это так ужасно: погибли и они, и ни в чем не повинные люди, а Столыпин остался жив. – Лизонька смотрела на меня заплаканными глазами. – Пострадали трехлетний сынишка Столыпина и его шестнадцатилетняя дочь, она останется на всю жизнь инвалидом. И товарищ Сергей... Я даже не знаю его настоящего имени! Думаю, и полиция этого не узнает, ведь от них почти ничего не осталось! – В ее голосе появились истерические нотки, и, чтобы ее успокоить, я привлек ее к себе. Она не сопротивлялась и, перейдя на шепот, продолжила рассказывать: – Полиция вышла на след группы, окружила дом, где изготавливались бомбы, там как раз находились остальные члены организации. Они начали отстреливаться, а потом... Ужасный взрыв! Не знаю, они специально взорвали себя или это произошло случайно, но все погибли! Бедная Ксения! Ей было всего девятнадцать лет! Она была такая добрая и славная...

Я начал целовать ее лицо, глаза, а она будто не замечала этого. Мои губы встретились с ее холодными, напряженно сжатыми, она не отвечала на мои горячие поцелуи, но и не сопротивлялась. Ощущение было, что я целую куклу, а не живую девушку. По правде сказать, особого удовольствия я не получил, хотя давно об этом мечтал. Мне вспомнились горячие, заводящие и в конце концов сводящие с ума поцелуи Клавки, и я тут же одернул себя: сравнил поцелуи невинной девушки и проститутки! Немного успокоившись, Лизонька отстранилась и попросила проводить ее домой.

По дороге я поинтересовался:

– А что Химик? Какова его судьба? Мне кажется, что я встречал этого человека в детстве, и тогда его звали Николай Сиволапцев.

– Вы же знаете, что в целях конспирации у нас запрещено называть друг друга настоящими именами. Мне он известен как Валериан Григорьевич и Химик. Полагаю, он был вместе со всеми. И они погибли все до одного! – дрожа, ответила Лизонька и вновь всплакнула. – Ксения была совсем юной!

А я подумал: раз все погибли, то полиция уже не сможет выйти на Лизоньку и на меня как на имевших отношение, пусть и отдаленное, к боевой организации эсеров-максималистов. Так что все закончилось как нельзя лучше. Я уже никогда не узнаю, зачем потребовалось товарищу Сергею устроить меня в противочумную лабораторию, но это меня не беспокоит. Скорее всего, в дальнейшем он предполагал производить теракты с помощью возбудителя чумы, но ему в этом деле я был не помощник.

Почему-то не верилось, что террорист по кличке Химик, явившийся мне в бреду, он же знакомый мне с детства Николай Сиволапцев, на самом деле погиб. Терзало предчувствие, что он еще не раз встретится на моем жизненном пути.

Прощаясь, Лизонька горячо прошептала:

– Ожидаю вас послезавтра к нам на обед, я представлю вас своим родителям.

Я был весьма удивлен и даже начал что-то бормотать о ее отце, статском советнике.

– Мой отец очень любит меня, желает мне счастья, так что не будет мне перечить. Обязательно приходите, я буду ждать! – и она подставила мне губки для поцелуя, а потом жалостливо произнесла: – Как же это ужасно – умереть в девятнадцать лет! Мало что в жизни повидав и испытал!

По пути домой я решил навестить Клаву, ведь я был ее должником, да и ее прелести манили меня после длительного воздержания. У нее я получил несказанное удовлетворение и заплатил ей за обслуживание в борделе, показав тем самым, кто я и кто она!

Домой вернулся в отличном настроении: Судьба улыбнулась мне, и я ожидал от нее следующих подарков. Ангел у человека за правым плечом, а черт – за левым, но мне кажется, что они иногда меняются местами, и от этого не всегда человеку плохо. Роман о Страхе я напишу, когда почувствую, что готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.